

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра иностранных языков и речевой коммуникации

**МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ
ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«ТЕОРИЯ ДИСКУРСА»**

**Москва
2020**

1 Цель и задачи дисциплины «Теория дискурса»

Цель дисциплины — ознакомить магистрантов с достижениями отечественной и зарубежной лингвистики в области теории дискурса и дискурсивного анализа, дать системное изложение существующих подходов к изучению дискурса. Дать необходимые знания о природе дискурса, его типах, структуре и правилах интерпретации, охарактеризовать содержательную и формальную стороны дискурса, раскрыть роль дискурсивных и экстралингвистических факторов в понимании и интерпретации дискурса, охарактеризовать их роль в формировании смысла дискурса. Осветить вопросы взаимодействия дискурса и культуры, познакомить магистрантов с экспериментальными методами исследования дискурса, проблемами компьютерного распознавания дискурса.

Виды и задачи профессиональной деятельности по дисциплине:

- создание методологической базы для научно-исследовательской работы,
- формирование у студентов взгляда на язык как социальную деятельность;
- овладение основным терминологическим аппаратом данного раздела лингвистики;
- сформировать навыки дискурсивного анализа фактического языкового материала.

2. Тематика практических (семинарских) занятий

№ темы лекции	Наименование практического занятия
1	Дискурс как объект лингвистического исследования. Введение в теорию дискурса. Определения дискурса. Основные публикации по дискурсу
2	Деятельностный подход к анализу дискурса. Коммуникация как действие
3	Прагмалингвистический и социолингвистический подходы к изучению дискурса. Дискурс в коммуникации. Прагматический подход к изучению дискурса. Функции языка
4	Типология дискурса. Типы дискурса. Многообразие функций и форм. Письменная речь и устное взаимодействие
5	Структура дискурса. Пропозиции. Тема и рема в дискурсе. Данное и новое в дискурсе. Топик и комментарий в дискурсе. Макроструктура дискурса. Суперструктуры дискурса. Связность дискурса. Когезия. Субституция. Эллипсис. Референция
6	Дискурс и контекст. Контекстуальные явления. Дейксис и его виды. Личный, временной и пространственный дейксис. Типы выдвижения информации в дискурсе

Тематика и планы аудиторной работы студентов по изученному материалу (планы последовательного проведения практических (семинарских) занятий по предлагаемой схеме):

- тема;
- план (вопросы для коллективного обсуждения);
- текст для конспектирования;
- литература (основная, дополнительная).

ТЕМА 1. Дискурс как объект лингвистического исследования.

1. Введение в теорию дискурса.
2. Определения дискурса.
3. Основные публикации по дискурсу

Текст для конспектирования:

ЛЕКЦИЯ О.Л. МИХАЛЁВОЙ. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие дискурса

ДИСКУРС (фр. discours, англ. discourse < = от лат. discursus ‘бегание взад-вперед; движение, круговорот’ // фр., англ., – ‘беседа, разговор’) речь, процесс языковой деятельности; способ говорения.

Латинские контексты показывают, что основной сферой использования слова «discursus» были различные виды беспорядочного и быстрого движения (dis+curro (бежать)):

1) бегание туда и сюда, беготня в разные стороны; 2) набег; 3) движение, круговорот; 4) непрерывное мелькание; 5) бестолковая беготня, суета; 6) разрастание, разветвление; 7) барахтанье.

И только периферийное значение «дискурса» отчасти совпадало с современным (‘беседа, разговор’). Приставка «dis», обозначающая ‘разделение, разъединение, расчленение’, придавала глаголу движения аспект разнонаправленности, лишало его «энтелехии» (куда?):

«discurso» – носиться взад и вперёд, «discurro» – 1) бегать туда и сюда, бегать в разные стороны; 2) разбегаться; 3) растекаться, распадаться, разделяться.

Затем быстрые и неупорядоченные движения тела стали ассоциироваться с мышлением человека («Mens discurret utroque») и Бога («Ipse deus velox discurrere goudet in altis Montibus»).

Казалось бы, что может быть общего между «уклонением от курса» и «убеганием прочь» в этимологии латинского слова и «устной речью» французского и английского слова.

Характерной чертой этого термина в русском языке стала невозможность раскрыть его значение через анализ его логико-понятийной структуры и его расширенное применение.

В современной науке под дискурсом понимается практически всё, что угодно исследователю. Причём мало кто оговаривает своё понимание термина, предоставляя, таким образом, читателю/слушателю замечательную возможность разобраться во всём самому. Однако далеко не всегда синтез фоновых знаний и конкретного контекста приводит к однозначному пониманию (а это и требуется от термина) того, что стоит за таинственным словом «дискурс».

Различное понимание и толкование термина ДИСКУРС.

1. В академическом обиходе у нас не жалуют слово “дискурс”. Его и произносят-то (во всяком случае, в литературоведческой среде), закавычивая интонационно, так что в итоге звучит: “так-называемый-дискурс”, или “извините-за-выражение-дискурс”, или “я-уж-скажу-только-вы-не-улыбайтесь-дискурс”. Используя это слово как серьезное и прямое, вы рискуете выставить себя педантом, гордым ученостью, но прискорбно глухим к домашнему контексту общения (вроде человека, который на вопрос “Как на улице?” отвечает: “По сообщениям Гидрометеоцентра...”). Отсюда — вышеупомянутые ужимки, наблюдая которые в других или сама прибегая к ним невольно спрашиваешь себя: что за психологические “сшибки” прячутся в подоплеке? что за расщепление идентичности, побуждающее очуждать собственную речь?

2. Понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. “Дискурс” – одно из них.

3. Коварное слово “дискурс” в дальнейшем разговоре мы будем понимать (условно!) как строй научной речи или язык научной школы — специфический характер описания, обсуждения и структурирования материала, опосредованный иноязычным употреблением

4. Вездесущее ныне слово, откуда оно? New Webster’s Dictionary определяет “discours” как “вербальную коммуникацию” (разговор, речь, выступление) и “чёткое, систематическое исследование темы” (диссертация). Очевидны две тенденции, которые могут сойтись воедино и разойтись: называть “дискурсом” любую речевую (коммуникативную) практику,

включая сюда и невербальные единицы (жест, мимика, движение тела и т.д.) и ограничить сферу дискурса "дискурсивным" (логико-формализованным, понятийным, терминологичным и т.д.).

5. Страшное слово дискурс вместе с множеством других, не менее пугающих терминов мы получили в наследство от "галльских кумиров" - плеяды французских философов-деконструктивистов, которых с некоторым опозданием открыли для себя российские интеллектуалы. Знание специфической терминологии деконструктивизма поначалу стало своего рода "кандидатским минимумом", "пропуском" в святая святых элитарной художественной тусовки; в итоге родилось даже ироничное выражение "писать на дискурсе", - так говорят о критиках и теоретиках, злоупотребляющих этой терминологией без особой на то надобности.

6. В каком-то (довольно узком) смысле дискурс и есть «базар». То есть, коммуникативное событие. Тьен ван Дейк предлагает следующее определение: дискурс - это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия.

7. «Дискурс» не зря стал чуть ли не главным словом-паразитом в языке художественной тусовки девяностых, это очень удобный и емкий термин, поскольку обозначает сразу несколько понятий: сам «базар» (т.е. «продукт коммуникативного действия»); его смысловую однородность; его актуальность (уместность); привязанность к определенному контексту; жанровую или идеологическую принадлежность; наконец, принадлежность к целому слою культуры, к социальной общности и даже к конкретному историческому периоду.

8. **Дискурс** - сложное понятие, частично из-за того, что в разных теориях оно используется по-разному. В лингвистике дискурс - это **текст плюс контекст**. В теории коммуникаций дискурс - это вербальные и невербальные элементы общения плюс контекст, в котором происходит общение плюс содержание общения и так далее. Джон Фиск в «Телевизионной культуре» дает такое определение дискурса: **социальная система репрезентации (н-р, термины, понятия, законы), специально организованная, чтобы производить и обмениваться значениями на определенную тему**. Например, учебные лекции по массовым коммуникациям - это дискурс. Литература по феминизму - это дискурс. Говорят о дискурсе рекламы и дискурсе новостей.

Дискурс, продолжает объяснять Фиск, это **предмет обсуждения + социальная ситуация + идеология**. Дискурс конструируется сообща для других (другой группы/групп) и всегда идеологически окрашен. Поэтому неправильно будет говорить о дискурсе экономики, но о *рыночном* дискурсе экономики, не о дискурсе гендера, а о *феминистическом* дискурсе гендера.

В этом отношении некоторые дискурсы могут быть более "легитимны", чем другие. К примеру, сегодня *рыночный* дискурс экономики более легитимен, чем *плановый социалистический*.

8. Дискурс - понятие относительно новое. Весьма ныне употребительное, оно понимается (или не понимается) употребляющими его по-разному. Нам же ближе всего определение, данное А.К. Жолковским, понимающим дискурс как "воплощенные в речи мироощущение и жизненную позицию".

9. Дискурс (Лат.: *discours* - речь, разговор, беседа; 14 в.) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами : прагматическими, социальными, психическими и др. Текст, взятый в событийном аспекте. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент познавательных процессов и взаимодействия людей. Речь, «погруженная в жизнь».

Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом - различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения процессов мышления и в связи с экстралингвистическими факторами. Термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к текстам, связи которых с актуальной жизнью не восстанавливаются непосредственно (н-р, древние тексты).

10. Идея Фуко состояла в том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, “обговаривается” мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком ее понимании принято называть дискурсом. Дискурс — это одновременно и процесс и результат — в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-л. В основании же любого дискурса лежит высказывание — «атом» речевой практики, некое первоначальное обобщение, образ, конвенция, что делает возможным дальнейший разговор.

11. Вообще, дискурсом мы и называем полную (или, по крайней мере, претендующую на полноту) терминологическую конструкцию.

12. Ван Дейк анализирует модели ситуаций как модели поведения, вводя понятие "дискурса". Под "дискурсом" он понимает "функциональную часть коммуникативных и более общих общественных и культурных целей социальных групп или отдельных личностей". Под дискурсом также понимается взаимодействие между языком и действительностью, которое обеспечивает миропонимание и существование.

13. Что же, согласно анализу П. Серио, возникает в результате десятилетий "советского способа оперирования с языком"? По его мнению, это не новый язык, и не новый "подъязык", и не новый "стиль". Это так называемый "дискурс". Давая определение этому сложному понятию, Ю.С. Степанов пишет: "Дискурс - это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, - в конечном счете - особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс - это один из "возможных миров". Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса "Язык - дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык - дом бытия"

14. Термин ДИСКУРС очень быстро покинул пределы лингвистики и вторгся в области не только смежных гуманитарных дисциплин, но и естественнонаучных. Сегодня, например, можно прочесть как *офилологическом дискурсе*, так и о *математическом дискурсе*.

15. Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение ментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. С позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний. Психолингвистов интересуют также типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции. Лингвостилистический анализ дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц (характеристика функциональных стилей). Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения - содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители (*hedges*), большие и малые текстовые блоки, дискурсивная полифония как общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста.

Чёткого и общепризнанного определения термина «*дискурс*», охватывающего все случаи его употребления, не существует.

Возможно, именно это и способствовало широкой популярности, приобретённой этим термином за последние годы: различные понимания удачно удовлетворяют различные же понятийные потребности; порой этот термин просто модифицирует более традиционные представления о речи, тексте, диалоге и даже языке.

Таким образом, можно подвести первый итог: дискурс – это многозначный термин ряда гуманитарных наук, предмет, который прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка.

Дискурс – объект междисциплинарного изучения. Помимо теоретической лингвистики с исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления, как компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ.

Вопрос о месте понятия «дискурс» в ряду «язык» \Leftrightarrow «речь» остаётся открытым.

Объективный ответ на него может дать обработка текстов с упоминанием этого термина.

Особенно информативны те тексты, где «дискурс» невозможно заменить терминами «язык», «речь».

Если проанализировать контексты употребления слова «дискурс», то результат может весьма поразить воображение:

Д. какой?

Шизофренический Д.

Буддийский Д. связан с наркотическим и противостоит Д. террора, революционного и дурдомовского.

Философы традиционно третируют фикциональный Д., считая его проявлением человеческой несерьёзности.

Д. каков?

И связано это с тем, что Д. темпорален, что он линеен и вытянут в цепочку. Поэтому любое описание дискурсивного...

Д. кого? чего?

Д. Фуко обладает наибольшей истиной,...

Остановимся немного на этом вопросе и сделаем вид, что знаем, что такое Д. негативной теологии со всеми его определяющими чертами и собственным его расположением. К кому он обращён? Кто его адресат? Существует ли этот собеседник прежде него, прежде Д., до перехода к акту, до его полного (перформативного) осуществления?

Д. действует.

Д. взрывается, дробится, расходится разными путями...

Лучше всего устанавливать ловушки на причастных или, на худой конец, деепричастных поворотах, чтобы Д. сходу натыкался на приманку и брал её.

По сути дела, эти регионы – разные Д., «интерпретативные репертуары», схемы, используемые для описания своего «Я». Но Д. не просто отражает объекты, события и категории, существующие в природе, социуме, культуре. Д. активно конструирует версию всех этих вещей. Д. не описывает вещи, Д. их творит, поскольку напрямую связан с практиками. Самый очевидный пример – это связь религиозного Д. и религиозных практик, кодекса и т.д. Это Д. творит индивидуально.

То есть «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. «Дискурс» – одно из них» (Т. ван Дейк).

Это понятие («дискурс») постоянно обретает какие-то дополнительные характеристики, уточняется, меняет свой первоначальный смысл. За ним закрепляется несколько интерпре-

таций, т.к. в разных парадигмах знаний его используют в разных значениях. Термин лишается определённости, поскольку чрезвычайно велика сфера его распространения. Поэтому можно говорить о полисемии этого термина как в лингвистике, так и в других науках (социологии, философии, политологии, логике и др.).

Своеобразной параллелью многозначности этого термина является и поныне не устоявшееся ударение в нём : чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первом слоге также не является редкостью.

Как отмечает У.Чейф, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям».

На нынешнем этапе вряд ли можно говорить о существовании общепринятого определения дискурса и вряд ли можно рассматривать какое-либо из предлагаемых определений в качестве предпочитаемого.

Но исходя из того, что терминологическая точность – условие, необходимо должно соблюдаться в любом претендующем на научность исследовании, здесь мы обратимся к рассмотрению проблемы дискурса.

Конечная цель этого рассмотрения – попытка дать собственное определение дискурса.

Так что же скрывается за этим термином?

Истории становления термина «дискурс» посвящена статья Н.Н.Белозёровой «Парадоксы дискурса» [Белозёрова: www.utmn.ru/frgf/No9/text15.htm], основные положения которой будут изложены ниже.

Значение латинского слова *discursus* первоначально ограничивалось семами действия:

1. *бег* (в различных направлениях)
2. *специальная двунаправленная атака войска, имеющая целью изолировать части войска противника друг от друга* (*pincer movement*) [Traupman J.C. *The New College Latin and English Dictionary*. Bantam Books, 1978- 502 pp.].

Таким образом, наблюдается несколько явлений:

- **переход слова в термин** при использовании его ограниченным числом лиц и
- **метафоризация.**

Отметим, что сему говорения данный латинский словарь не зафиксировал . По всей видимости, она (сема говорения) появилась уже на более поздних этапах функционирования языка, вне пределов титульного этноса.

Эта сема (сема говорения) появляется в статьях французских и английских словарей и там доминирует. Теперь слово ДИСКУРС употребляется для обозначения *речи, говорения, рассуждения, способности к рассуждению*.

В английском языке, куда это слово проникло из французского, закрепилось и более специфичное значение *церковной проповеди*.

Французские составители грамматик родного языка закрепили его как лингвистический термин: *discours direct, discours indirect, parties du discours* (прямая речь, косвенная речь, части речи). Лишь в частном употреблении в поэмах Эдмунда Спенсера (XVI век) слово *discourse* сохранило сему военного действия и обозначает *процесс сражения* (*process of combat*) [CHAMBERS, 1969: 299].

Из анализа словарных статей следует несколько выводов и предположений . При произошедшей на очень раннем этапе метафоризации заимствованного слова поле *военного действия* было перекрыто полем *речевого действия* . Причем внутренняя форма слова сохраняет все семы и аналогии *уклонения от курса, бега в различных направлениях, стычки, процесса сражения, разгрома противника*. Поскольку все эти семы и аналогии, свойственные военным действиям, реализуются и на уровне речевого поступка.

Трудно сказать, на каком этапе произошла такая метафоризация. Тем не менее, можно предложить следующее объяснение.

Когда заимствованное слово попадает в совершенно иную культуру, меняются и его «пользователи»: его начинают использовать представители совершенно иных сословий в

рамках функционирования совершенно иных социальных институтов, в пределах совершенно иной деятельности. И, если это слово не обозначает материальный артефакт или натурфакт (н-р, заимствованные из другой культуры виды пищи, оружия, инструменты), то первоначальная связь между обозначаемым и обозначающим начинает ослабевать. Сначала в результате установления подобий и аналогий добавляется еще несколько обозначаемых (образование полисемии), затем исходное обозначаемое в результате деятельности пользователей перестает осознаваться и как бы «соскальзывает» вовнутрь знака, становясь внутренней формой.

В средние века, когда, вероятнее всего, произошло установление подобия между видами военной деятельности (маневрами и передвижениями) и речевой деятельностью, пользователями слова *discours(e)* были представители высших сословий: рыцари, монахи, школяры, а в Англии после воцарения французского языка и вытеснения англосаксонского при дворе в результате нормандского завоевания – вся знать.

Рыцари, вовлеченные в кровопролитные крестовые походы и выработавшие целый кодекс куртуазного поведения и целый набор правил как для обращения с оружием, так и со словом, были, по всей видимости, первыми, кто установил подобие между военным и словесным состязаниями (сохранившееся употребление у Спенсера).

Деятельность монахов была связана с латинским языком, с составлением житий святых и проповедей, с переводом священных текстов. Вероятно, монахи, *не вовлеченные в военную деятельность*, первыми перестали устанавливать связь между обозначающим *discourse* и элементом военного состязания.

Школяры, преподаватели и студенты первых университетов, где обучение велось на латыни и где основным методом была дискуссия по прочитанному, словесное многочасовое состязание, построенное по особым правилам ведения диалога, завершили процесс метафоризации слова *дискурс*.

Всё поле *военного состязания* было наложено на поле *словесного состязания*, исходное значение «соскользнуло» вовнутрь, и таким образом номинация физического действия преобразовалась в номинацию речевого действия. При этом, как отмечает Н.Н.Белозёрова, круг пользователей слова остался сословно детерминированным. Слово *discours(e)* стало принадлежать к слою возвышенной лексики, использоваться либо знатью, либо специалистами, которые превратили это слово в термин.

В современном использовании термина *дискурс* все контексты объединены семейством говорения, высказывания.

1. Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие.

2. Дискурс – внутренне организованная последовательность языка.

3. Дискурс – комплексная коммуникативная единица с собственными структурно-семантическими характеристиками. Если дискурс завершён, то в нём присутствуют такие характеристики, как связность, цельность, полнота и автосемантия (под которой понимается разрешённость всех вопросов референции внутри текста), то для его понимания адресату достаточно владеть синтаксисом и семантикой того языка, на котором он создан.

4. Дискурс – это проявление речевой деятельности в разговорно-бытовой речи, он представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла.

5. Дискурс – это и само высказывание и те когнитивные установки, которые детерминируют содержание и форму высказывания.

6. Дискурс – это текст связной речи, состоящий из последовательности коммуникативных единиц языка, превышающих по объёму простое предложение, которое находится в смысловой связи, выраженной лингвистическими текстами.

7. Внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое, референциальное (т.е. единство участников описываемых ситуаций), событийное, временное, пространственное и т.д.

8. Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах).

9. Дискурс как естественно проявляющаяся связная речь или письменные документы.

10. Дискурс - это область функционирования естественного языка, который в реальности оказывается втянутым в поле оценок и мифологем различных социальных групп.

11. Дискурс – обмен высказываниями, при котором происходит двусторонний ряд речевых событий, где участники будут постоянно меняться ролями адресата и адресанта, оставаясь внутри своих социальных и ритуальных ролей и установок. При таком характере речевого события характерны не только расшифровка (декодирование) информации при неизбежной доле её расширения или сужения, но и устойчивая обратная связь, ведущая к наиболее полному декодированию.

12. Между крупными фрагментами дискурса наблюдаются границы, которые помечаются относительно более длинными паузами (в устном дискурсе), графическим выделением (в письменном дискурсе).

В наше время история употребления этого термина такова.

С одной стороны, дискурс понимается как речевая практика, т.е. «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» (В.И.Карасик).

С другой, дискурс предстаёт как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего.

Можно считать, что началось всё тогда, когда в 50-е годы XX в. Эмиль Бенвенист, разрабатывая теорию высказывания, последовательно применяет традиционный для французской лингвистики термин **discours** в новом значении – как характеристику «речи, присваиваемой говорящим» (**Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим**).

ЖЖ-юзер proshloe : Соне в школе задали на дом сделать пересказ рассказа. Сели читать с ней рассказ, там всего три странички. Содержание такое: герой, мальчик лет 10, по просьбе соседки идёт в школу 1-ого сентября, чтобы привести оттуда её сына-первоклашку. Герой заходит в класс и видит, что все дети уже ушли, сидит только маленькая, испуганная девочка в бантах-первоклашка. Он её спрашивает, почему она не идет домой, и она отвечает, что во дворе её ждёт маленький брат, которому она пообещала в школе выучить все буквы, чтобы написать письмо маме и папе, уехавшим в Сибирь. А буквы за первый школьный день она не выучила, поэтому ей стыдно показываться брату на глаза. Герой её уговаривает так выйти из школы, берёт за руку и выводит к брату, которому обещает написать письмо родителям. А потом еще каким-то недоброжелателям этого братика объяснил, что он теперь друг малышам и будет их защищать. Там ещё много всяких деталей и подробностей, но я тут не стала их пересказывать.

Прочитала я Соньке рассказ, спрашиваю: «Поняла?». «Поняла» – отвечает. «Ну тогда давай, пересказывай». И Соня пересказывает. Дословно её пересказ привести не могу, но постараюсь быть близкой к тексту.

«Мальчик пришел в школу, вошел в класс и увидел там красивую девочку. Она была одна и не шла домой. Потому что не выучила все буквы, хотя пообещала брату. Мальчик сказал, что с братом он договорится и повел ее во двор. Он взял ее маленькую хрупкую ладошку с маленькими пальчиками, почувствовал, какая мягкая это ладошка. Они шли по коридору, а мальчик смотрел на нее и думал, что у нее прекрасные бантики на прекрасных волосах,

большие голубые глаза, он держал в руке ее ладошку, ладошка была теплой и очень мягкой. Потом они спускались по лестнице, и девочка еле успевала за мальчиком, но он не выпускал ее руки и обязательно поднял бы ее, если бы она упала. Он помог ей надеть плащ, розовый плащ с вышивкой, и увидел, что в нем девочка стала еще красивее. Потом они подошли к ее брату, и мальчик пообещал, что напишет письмо их родителям»

Крестьяне уважали барина за его финансовое благополучие. Чиновники трепещали над Троекуровым, который, с его стороны, был большой шалун и хам. Дворовые Троекурова, устраивая разборки с соседями, надеялись, что барин с ними конкретно разберётся.

Штольц был очень экономный и старался тратить каждый день по доллару.

Народы бывш ей СССР зависят от России.

В то же время словосочетание «единое независимое государство» вызывает у Слушающего ассоциации с **Россией советского периода**.

Экономика и политика, исходя из его слов, не являются оппонентами, как это было в **советский период развития России**.

«Летите с авиакомпанией Аэрофлот!» (вм. «Летайте самолётами Аэрофлота!»).

Я работала во времена савдепии.

Губернатор Россель: «Мы очень уважаем владельцев акций **наших** предприятий»

Ты знаешь, он тоже такой трогательный, я вся обрыдалась! // А у нас же идёт каналов 80, представляешь? Пока прощёлкаешь все, с ума сойдёшь! // Я его тоже случайно включила, смотрела, в конце – обрыдалась!

Он захватил кусочек Афганистана. И его там контузило. Конфузило. Как правильно-то говорить: контузило или конфузило?

Задание на извлечение импликатур. Студентка сама выбрала газетный текст: «*Михаил Ефимович, а ты за какой интернационал: за второй или за третий ?*» и извлекает следующую имплицитную информацию:

«*АМпП: скоро выборы*

импл.: Путин ведёт интернациональную политику»

Если мы вспомним, как Наташа хотела сбежать со своим любимым мужчиной, я не помню, как его звали...

Он решил с ней поиграться, он взял её покататься на катере (о Ларисе Огудаловой).

И снова, Здравствуйте:)

Жду ответа о нашей встречи

З.Ы Извините, что не была на паре:(

Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов.

Используя личное местоимение Я, при реализации тактики неявной самопрезентации **говорящий позиционирует себя как деятельную, сильную личность**. Данный прагматический эффект подкрепляется тем, что в предложении *Я решил сегодня сам прийти к вам субъект пропозиции равен говорящему*, поскольку участник ситуации (партиципant) обозначен соответствующим ему канонически оформленным актантом. Партиципant выполняет в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой (им.п., ед.ч). Таким образом **на прагматическом уровне создаётся эффект яркой, сильной личности**.

Далее в предложении *Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе* говорящий, формально переходя к реализации тактики кооперации, демонстрируя единение со слушателями, на самом деле актуализирует стратегию на понижение посредством использования тактики анализ-«минус». Происходит это следующим образом: благодаря использованию приёма Мы-инклюзивное и, подкрепляя это лексическими средствами (*мы с вами*), репрезентирующими идею совместности, говорящий, вводя слушающего в свою личную зону, акцентирует его внимание на идее общности, параллельно (через приём «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию») навязывая мысль о том, что *‘ у нас есть проблемы ’*.

В следующем предложении *Об этом говорили буквально все* для названия субъекта действия использовано местоимение, указывающее на неопределённый референт, что даёт возможность говорящему уйти от конкретной номинации. Но тогда, когда говорящему выгодно актуализировать внимание адресата-наблюдателя, он называет реалии, которые для обычного человека имеют особую значимость: *Это и зарплата, и пенсии.*

Следующее **высказывание** *Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность* очень интересно как яркая иллюстрация особенностей дискурса Явлинского .

Формально есть субъект действия , использовано двусоставное предложение с прямой диатезой,

но тогда, когда требуется назвать конкретных исполнителей, **дискурс** , отображающий ментальность говорящего , **навязывает ему использование номинализации** , при которой, как известно, происходит свёртывание пропозиции, **передаётся отвлечённость представления о процессе самом по себе, вне связи с производителем процесса.**

Говорящий не называет конкретных деятелей, тех, кто реально будет укреплять государство.

В результате активно создаваемый образ деятельной, сильной личности начинает разрушаться.

Этот процесс продолжается далее, несмотря на то, что теперь говорящим используется тактика обещания. При анализе следующего высказывания *И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены* можно установить, что **субъект в предложении чтобы эти задачи были решены отсутствует** , есть только называющее объект подлежащее, представленное фактитивом, т.е. партиципантом, возникшим, прекратившим существовать или подвергшимся изменению.

Предикат же выражен краткой формой страдательного причастия. **Благодаря этому усиливается прагматический эффект снятия говорящим с себя ответственности.**

....

*Он необходим нам уже для того, чтобы мы могли сбалансировать то, что сейчас может сложиться в Государственной Думе, чтобы мы могли **помочь** найти решения и компромиссы, чтобы мы могли сделать Думу работоспособной.*

В данном высказывании говорящий реализует тактику прогнозирования, используя глаголы совершенного вида, семантика которого позволяет имплицировать мысль о возможности достичь положительного результата. Поэтому благодаря использованию данной тактики говорящий может под видом политического прогнозирования программировать сознание адресата-наблюдателя (с положительным для политика исходом дела).

В этом высказывании прогнозируется нежелательная как для говорящего, так и для слушающего ситуация, требующая вмешательства говорящего субъекта (путём ' *сбалансирования* '). Прогнозируя такую ситуацию, политик провоцирует аудиторию на совершение того, что бы позволило говорящему в том самом прогнозируемом будущем иметь возможность вмешаться в эту ситуацию. Прогнозируя, он уже сейчас создаёт определённое ментальное пространство в сознании слушающих, закладывая через использование пресуппозиций мысль о том, что в *неработоспособной Думе* обязательно сложится ситуация, требующая поиска *решения и компромиссов* . Но главное: имплицировается мысль, что только говорящий и его партия смогут *помочь* найти достойное решение.

Если актуализировать **другой аспект данной имплицатуры**, то обнаруживается идея, которую можно было бы оформить следующим образом: ' *мы не сами будем искать, мы будем только помогать* '.

В результате у исследователя появляется **возможность выявить очень важную особенность ментальности Г.Явлинского : имплицированная мысль** о том, что «Яблоко» не берёт на себя ответственность в принятии решений , свидетельствует **об устранении политика от реальной деятельности**, следовательно, и **о свойственном ему уклонении от ответственности** .

Выбор Г.Явлинским формы следующего высказывания (для репрезентации тактики размежевания) является подтверждением сделанного нами в предыдущем абзаце вывода о такой **особенности ментальности** этого политика, как **уклонение от ответственности** : *Ещё хочу сказать вам, что очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям.*

В предложении *очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям* **говорящий осуществляет деагентивацию, переводит действие в неагентивный процесс.**

Агентивность предполагает контроль ситуации со стороны агенса, принадлежность ему **решающего вклада в действие**, но в данном предложении **реализована косвенная диатеза** : **позицию подлежащего** занимает не субъект действия, а **объект**.

Именно объект выдвинут говорящим на роль главного в логическом плане. Произошло это благодаря тому, что объект маркирован формой именительного падежа.

Акцентируя внимание на объекте, говорящий перемещает Агенса на Периферию диатезы, выводя его тем самым из центра внимания.

Более того, выдвинутый нами тезис о **специфике ментальности данного политика** подтверждается тем, какой номинации отдаёт предпочтение Г.Явлинский для обозначения субъекта. Это не местоимение 1 лица единственного числа «Я», а местоимение «МЫ», более референтно неопределённое.

Приведённый выше анализ текста представляет собой развитие взглядов Э.Бенвениста, который предлагал понимать под дискурсом «речь, присваиваемую говорящим».

Американский исследователь Зеллиг Харрис публикует в 1952 г. статью «Discourse analysis», посвящённую методу дистрибуции по отношению к сверхфразовым единствам.

Т.о. эти два авторитетных учёных закладывают традицию тождественного обозначения разных объектов исследования: **Э.Бенвенист** понимает под дискурсом **экспликацию позиции говорящего в высказывании**, в трактовке **З.Харриса** объектом анализа становится **последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение**.

Впрочем, и «харрисовское» понимание дискурса не стало популярным в нашей стране, хотя вполне согласовывалось с доминировавшим в те годы в советском языкознании структурно-семантическим подходом.

Всё это тем более странно и потому, что именно во второй половине XX века возникло и утвердилось в трудах советских учёных такое направление, как грамматика (лингвистика) текста. Определяя лингвистические закономерности организации текста (И.Р.Гальперин, О.И.Москальская, З.Я.Тураева и др.), языковеды с необходимостью пришли к выводу как о недостаточности применяемого метода, так и о нечёткости и неоднозначности используемого терминологического аппарата (проблемы разграничения предложения и высказывания, текста и его единиц и т.п.).

Более того, традиционный структурно-семантический подход не обладал достаточной объяснительной силой по отношению к таким ведущим характеристикам текста, как его цельность и связность. Невозможность сугубо лингвистического объяснения этих текстовых категорий вызывает рефлексию в отношении смежных областей знания: формулируется гипотеза о роли замысла создателя (Н.И.Жинкин), образа автора (И.И.Ковтунова). Очевидно, что подобная точка зрения согласуется с представлением Бенвениста о дискурсе как «речи, присваиваемой говорящим», но и эта дефиниция долгое время остаётся без должного внимания.

В зарубежной лингвистике оформление дискурсивного анализа как дисциплины относится скорее к 1970-м годам. В это время были опубликованы важные работы европейской школы лингвистики текста (Т.ван Дейк, В.Дресслер, Я.Петефи и др.) и основополагающие американские работы, связывающие дискурсивные штудии с более традиционной лингвистической тематикой (У.Лабов, Дж.Греймс, Р.Лангакер, Т.Гивон, У.Чейф).

К 1980–1990-м годам относится уже появление обобщающих трудов, справочников и учебных пособий – таких, как *Дискурсивный анализ* (Дж.Браун, Дж.Юл, 1983), *Структуры социального действия: Исследования по анализу бытового диалога* (редакторы – Дж.Аткинсон и Дж.Херитидж, 1984), четырехтомный *Справочник по дискурсивному анализу* (под редакцией Т. ван Дейка, 1985), *Описание дискурса* (под редакцией С.Томпсон и У.Манн, 1992), *Транскрипция дискурса* (Дж.Дюбуа и др., 1993), *Дискурсивные исследования* (Я.Ренкема, 1993), *Подходы к дискурсу* (Д.Шиффрин, 1994), *Дискурс, сознание и время* (У.Чейф, 1994), двухтомный труд *Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение* (под редакцией Т.ван Дейка, 1997).

Главной особенностью всего дискурсивного направления, как справедливо считает Е.С.Кубрякова, является «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию».

Таким образом, можно констатировать, что дискурсивное направление исследований рождается из противопоставления функционализма формализму, из столкновения взглядов на природу языка.

Как считает М.Л.Макаров, (с.84) **формализм** исходит либо из утверждения об отсутствии у языка собственных точно определяемых функций, либо **из теории о полной независимости формы от функции**. Поэтому в своей методологии формализм настаивает на анализе структурных особенностей «языка в себе», не отягощенном изучением «языка в общении».

Принцип же **функционализма**, по М.Л.Макарову, опираясь на метафору «языка-инструмента», исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая *служит* или *используется* для достижения каких-либо целей, выполнения каких-то функций. Методология функционализма предполагает изучение и структуры, и функционирования языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функционализм основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, учете влияния употребления языка на его структуру.

Формальный подход выявляется там, где исследователь предельно абстрагируется от социальных и контекстно-обусловленных особенностей использования той или иной языковой единицы и дискурс определяется просто как язык выше уровня предложения или словосочетания.

В русле же функционального подхода дискурс рассматривается в связи с использованием языка в процессе речевого общения людей, следовательно, можно говорить о зависимости определения дискурса от того, с какой целью и в каком ракурсе рассматривалось само общение.

В качестве примера подобного подхода можно привести работы Т. ван Дейка, появление которых (по словам самого ван Дейка) знаменует переход к междисциплинарному исследованию дискурса.

Концепция ван Дейка строится на основе вовлечения в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т.п. Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерения, эмоции, предпочтения.

Я не человек-загадка, но к себе в душу просто так редко кого пущу. Вы будете видеть, слышать и чувствовать то, что захочу я, при этом вы будете думать, что так хотите вы. Мне кажется, что я способен видеть людей насквозь. Что касается работы, то к ней я всегда буду относиться одинаково, работа – это источник денег, связей, и конечно опыт, приобретённый на всю жизнь.

Самостоятельный, волевой, сильный духом, уверенный в себе, знающий чего хочет – именно таким кажется автор данного текста на первый взгляд, именно так воспринимаешь Говорящего после того, как прочитаешь его самопрезентацию.

Но так ли это на самом деле?

Или же автор умело использует языковые средства, которые помогают ему создать именно такое впечатление о нем?

Выявить «истинное» содержание данного отрывка – цель предлагаемого дискурс-анализа.

Говорящий использует **каскад личных местоимений**. Так, например, местоимение «Я» употребляется четырежды, а местоимение «ВЫ» – трижды. Необходимо отметить, что **автор текста исключает Читающего из своей личной сферы**.

Он использует **отрицание универсального высказывания**: *Я не человек-загадка*, что позволяет ему выделить себя из группы «ВЫ».

Второй же частью предложения *к себе в душу просто так редко кого пушу*, автор указывает на то, что он – субъект действия, т.к. он отслеживает, кого впускать в душу, а кого нет (ниже доказывается, что это лишь желание быть таким).

Следовательно, наблюдается «ОН» – Говорящий (Субъект действия) и «ВЫ» – Читающие (Объект действия), которые – в его представлении – не являются единым целым.

Говорящий не просто отделяет себя от остальной группы «ВЫ», но и выделяет себя среди них. Он занимает **позицию выше, чем находится группа «ВЫ»**. Это подтверждается не только смыслом содержательной части текста (контекста), но и **преобладанием употребления местоимения «Я» относительно «ВЫ»**. Всё это автор использует для попытки оградить себя, выстроить **защитный блок** от «неприятелей».

Потребность Говорящего во внутренней защите также проявляется в конструкции первого и второго предложения с помощью инверсии, которая к тому же во втором предложении используется дважды, что усиливает её эффект: *к себе в душу редко кого пушу; что захочу я; так хотите вы*.

В первом случае **инверсия служит для выделения, подчёркивания мысли**, что он – как **субъект – самостоятельно** отслеживает «пропуск» людей в свою душу.

Но как было сказано выше, **Говорящий данным языковым средством внутренне защищается**. Отсюда вывод, что **на данный момент у автора лишь желание быть таким**.

В двух последних случаях автор меняет местами сказуемое и подлежащее, тем самым пытается содержательную часть предложения сделать **более уверенной, серьёзной и не поддающейся опровержению**. Попытка сделать что-либо предполагает отсутствие того или иного. Поэтому поскольку **Говорящий только пытается сделать это, значит, именно этого ему не хватает в жизни**.

Из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что **данный способ построения предложения здесь используется для внешней защиты, для маскировки внутреннего страха, неуверенности**.

Выбор Говорящим лексемы «загадка» свидетельствует о том, что автор текста – мужчина, поскольку для женщин характерен выбор прилагательного в тех случаях, когда они говорят о себе: женщина скорее *не загадочная*, чем *не загадка*. В данном же тексте вообще отсутствуют прилагательные.

В конструкции второго предложения Говорящий использует предикаты: *видеть, слышать и чувствовать*, с помощью которых он **задействует все модальности восприятия**. Таким образом, автор «обволакивает» Читающего, т.е. пытается воздействовать сразу на все каналы восприятия. Таким образом, он **охватывает сразу все группы психотипов – визуалов, аудиалов и кинестетиков**.

Также важно отметить, что данная конструкция предложения, а именно следующая её часть: *«вы будете видеть, слышать и чувствовать только то, что захочу я...»*, позволяет сделать выводы, что **Говорящему лет 20-25**. Подобные реплики, высказывания характерны для подросткового периода, когда подросток уверен в данной мысли и **утверждает её**. Но судя по содержанию текста, можно предположить, что его автор старше 16 лет, но данная характерная черта подросткового периода осталась.

Третье предложение интересно следующей своей частью: *я способен видеть людей насквозь*, здесь важно использование языковой формы «**способен**». Способность – ‘возможность, умение что-нибудь делать’ (толковый словарь Ушакова), т.е. способность что-либо делать лишь предполагает умение этого, а не утверждает.

На этом основании можно сделать вывод, что *«способен»* содержит в себе значение **неуверенности, сомнения**, которые в данном предложении **подкреплены выражением: мне кажется.**

Четвертое и заключительное предложение несёт в себе информацию об **отношении автора к работе**. Начинается оно **небрежно: что касается работы**. Можно предположить, что **Говорящий не доволен должностью, которую он занимает**. Сам факт того, что **о работе он говорит лишь в заключительном предложении**, свидетельствует, что она для него не самое важное или же ему не приятно говорить об этом по каким-либо причинам.

Используя **метафору** (модель природы) *источник работы*. Говорящий **несознательно сообщает о том, что он достаточно органично себя чувствует в своей работе**. Источник – ‘то, из чего исходит, возникает, проистекает что-нибудь; исходная причина, основа происхождения чего-нибудь’ (толковый словарь Ушакова). Таким образом, можно сделать вывод, что для Говорящего работа – это то, откуда он черпает силы, знания, *деньги, опыт*.

Также важно отметить, что лексема *источник* употреблена Говорящим в качестве **прагмемы**. Данная лексема вносит **идею движения, чего-то чистого и необходимого**, т.е. использовано слово, обозначающее реалию, позитивно оцениваемую социумом (Ср. со значением *способ заработка*), что позволяет Читающему тему денег воспринять положительно.

Вывод:

Дискурс-анализ данного текста позволяет реконструировать портрет Говорящего. Во-первых, автор текста – молодой человек, лет 20-25. У него есть работа, на которой он чувствует себя достаточно органично, но при этом старается обходить тему «моя работа», отстраниться от неё, не вдаваться в подробности. Возможно, что это связано с тем, что Говорящий не доволен своей должностью или специальностью, он не реализуется на работе так, как бы ему того хотелось.

Как было сказано выше, все предложения не содержат лишнего, т.е. того, что помогло бы создать более яркое представление о Говорящем. Таким образом, именно это позволяет сделать вывод, что **автор текста закрыт, возможно, не особо общителен**.

Говорящему не хватает уверенности в себе, защиты. У него присутствует **страх быть не понятым, преданным**. Он пытается внешне казаться сильным, но на самом деле ему необходима защита в его окружении, поддержка. Использование каскада личных местоимений, отрицание универсального высказывания, позиции «НАД», инверсии; исключение Читателя из личной сферы и чёткое разграничение между группой «ВЫ – как объект» и «Я – как субъект» – все эти языковые средства используются Говорящим именно для **внешней защиты, которой ему так не хватает в реальной жизни**.

Таким образом, дискурс-анализ данного текста позволяет констатировать наличие большого количества специальных языковых средств, с помощью которых Говорящий «скрывает своё истинное лицо» и **искусственно создаёт о себе то впечатление, которое ему необходимо**: самостоятельного, волевого, сильного духом, уверенного в себе человека.

Как свидетельствует приведённый анализ, дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего.

В дискурсе, по мнению Т. ван Дейка, отражается сложная иерархия знаний, необходимая как при его порождении, так и при его восприятии.

Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Следовательно, как справедливо отмечает Е.С.Кубрякова, концепция Т. ван Дейка исключительно важна именно потому, что в неё даётся многоплановое и разностороннее определение дискурса как особого коммуникативного события, как «сложного единства языковой формы, знания и действия» (ван Дейк, с.5), как события, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания самого высказывания.

Данная концепция, как представляется, оказала значительное влияние на обогащение исходного понятия дискурса за счёт включения в него большого спектра различных характеристик.

Ещё одно направление, в последние годы ставшее особенно популярным, вышедшее даже за рамки науки в публицистику, восходит к французским структуралистам, прежде всего к М.Фуко .

Идея Фуко состояла в том, что инструментом освоения реальности является речь , речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания , правила самой речи, а значит и соответствующие мыслительные конструкции . Речь в таком ее понимании принято называть дискурсом.

Дискурс — это одновременно **и процесс и результат** — в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-л. В основании же любого дискурса лежит высказывание — «атом» речевой практики.

С точки зрения М.Фуко, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества.

То есть, по Фуко, дискурс не описывает мир, а **формирует его**.

Дискурс, то есть язык, втянутый в ту или иную систему мировосприятия, навязывает своему субъекту не только свою логику, но и стоящие за ней ценности и представления.

Другими словами, **не я пользуюсь дискурсом, но дискурс пользуется мной**.

При таком употреблении дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и сотворяющий.

То есть под дискурсом понимается обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определённой социальной или идеологической позиции (н-р: «феминистический дискурс», «административный дискурс»).

Две онтологии

Онтологии	Локализация	Сущности	Отношения
Механистическая (Ньютона)	Пространство и время	Предметы и события	Каузативный детерминизм
Дискурсивная (Выготского)	Сообщества людей, социальные миры	Речевые акты, Дискурс	<i>Вероятностные-зависимости, правила и нормы диалога</i>

Сопоставляя «старую» и «новую» **онтологии** , необходимо оговориться, что этот термин здесь понимается **не** как соответствующий раздел философии, охватывающий проблемы *бытия* , а скорее как **система взглядов и базовых категорий** относительно той части действительности , которая подлежит исследованию в данной сфере научного знания , иначе говоря, как **научный способ вычленения и представления предмета анализа из совокупного объекта познания** .

Человеческое пространство

Любому исследователю необходимо установить систему координат, с помощью которой локализируются объекты исследования. В старой онтологии эту роль играют пространственно-временные рамки: какая-либо сущность идентифицируется и описывается по своему месту в пространстве и времени, причем в данный момент времени она может быть только в одной точке пространства; нечто, занимающее другую точку в пространстве в тот же самый момент времени, даже обладая абсолютно теми же свойствами, рассматривается уже как *другая* сущность.

Для дискурсивных изысканий физическое время и место феномена общения, хотя и играют роль (заметим, опосредованную языковой, точнее, коммуникативной проекцией), решающего значения не имеют: когда что-то сказано, намного важнее знать, *кто* это сказал, *кому*, *как*, *о чем*, *с какой целью*.

Слово (в самом общем смысле) «в равной степени определяется как тем, *чье* оно, так и тем, для *кого* оно» [Волошинов 1929: 102].

Дискурсивные явления имеют *место* и *время* в качественно иной среде: социально-психологическом «человеческом пространстве» [*people - space* — Harré, Gillett 1994: 31], которое конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли.

Дискурс понимается как социальная деятельность, происходящая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей.

«Дискурс, – пишет Ю.С. Степанов, – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века». И разъясняя смысл этой черты, указывает на «**особое использование языка**» для выражения **особой ментальности** и даже «**особой идеологии**».

Ю.С.Степанов даёт следующее определение этому сложному понятию: «Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, – в конечном счете – особый мир».

В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина.

Каждый дискурс – это один из «возможных миров».

Так, в частности, концептуализация мира, отражаемая дискурсом левых и дискурсом правых, обладает существенными различиями.

Концептуальные метафоры левых принадлежат в основном к милитаристской и криминальной модели, что, с одной стороны, отражает, а с другой, задаёт такой ракурс восприятия, за которым стоит воинственная готовность к ожесточённой борьбе (где может быть только *победа* или *смерть*) с *предателями Родины* и *жуликами всех мастей*.

Метафоры, зафиксированные в дискурсе правых, отражают более умеренный (преобладает не милитаристская, а спортивная модель) и конструктивный настрой.

Идея политической борьбы представлена в дискурсе левых и правых по-разному.

Левые для её выражения пользуются главным образом милитаристской (а) и криминальной метафорой (б), ср.:

(а) Листовка КПРФ: *Стратегической целью нашего блока является **завоевание** большинства в Государственной думе и победа на президентских выборах.*

Листовка КПРФ: *Мы **встали под знамя** КПРФ, ибо убеждены: народный патриотизм сегодня неотделим от целей и идеалов коммунистов. От **борьбы** за социализм, за восстановление Советской власти, за возрождение Союзного государства.*

Листовка КПРФ: *За это **борется** КПРФ – партия будущего. Она **борется** за проведение в настоящем тех перемен, которые лягут в основу справедливого будущего.*

В.Савчук: Судьба России сегодня поставлена на карту: **идёт война в России, идёт война Бориса Николаевича Ельцина со своим собственным народом. И вот встал сегодня вопрос: победа! Либо народ победит олигархов и придёт к власти и будет восстанавливать социалистическую справедливость, либо олигархи вместе с финансовыми воротиллами Америки победят наш народ.**

В.Анпилов: Приходите на выборы. **Бой** продолжается. **Победа** будет за Советским Союзом, за советским народом.

В.Тюлькин: Наша программа нацелена на организацию именно такого **сопротивления**. Каждый может с ней познакомиться, понять, принять, подключиться к борьбе.

(б) В.Анпилов: Обращусь к тем из вас, кто не впал в уныние, кто никогда не станет на колени перед **предателями** Родины, перед **преступниками**, разрушившими державу и безнаказанно **граблящими** Россию.

Листовка КПРФ: Это **дикий воровской базар**; это **власть увесистого кулака и толстого кошеляка**. Это позорное торжище, где продаётся и покупается всё и вся.

В.Анпилов: **Банда политических выжиг, рвачей и банальных жуликов** рано или поздно предстанет перед судом и понесет возмездие.

В.Тюлькин: **Уворовав народную собственность, новые господа зубами будут за неё держаться.**

В **дискурсе правых** метафор такого типа практически нет. Идея борьбы здесь выражается через модель спортивного состязания и игры, ср.:

Г.Явлинский: **Перетягивание каната** остаётся главной политической задачей.

Е.Гайдар: Сегодня у нас есть все возможности преодолеть 5%-ный барьер, **выиграть** на предстоящих выборах.

Интересно также отметить, что метафора болезни, которая считалась одной из лидирующих в лексике рубежа веков [Ермакова 1996], в нашем материале представлена небольшим количеством употреблений, причём все они принадлежат представителям правого крыла:

С.Кириенко: В обществе **депрессия**.

Г.Явлинский: Сегодня нас беспокоит больше всего то, что может сделать Думу буквально **парализованной**.

Г.Явлинский: Если эти две партии займут в Думе решающие позиции, **парализация продолжится**.

Б.Немцов: Какую **обстановку** они там **оздоровили**, если наша северная столица уже далеко за пределами северной столицы называется криминальной столицей России.

Б.Немцов: Никакого отношения, равным счётом, никакой губернатор Яковлёв к **оживлению** российской **промышленности** не имеет.

Итак, можно констатировать, что метафора, навязываемая говорящему дискурсом, отражает модель действительности, существующую в сознании представителей того или иного политического крыла. В результате сферы человеческой деятельности репрезентируются под определёнными, заданными концептуальными метафорами углами зрения. Таким образом, речь идёт о выражении в концептуальной метафоре специфического взгляда на мир.

Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия». Тезис «Язык – дом бытия» принадлежит, как известно, крупнейшему философу-экзистенциалисту Мартину Хайдеггеру. Ю.С.Степанов даёт определения языка как «дома бытия духа» и как «пространства мысли».

Понимаемый таким образом термин «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивная практика», под которым понимается «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла») описывает **способ интерпретирования**, способ говорения и в силу этого имеет определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс.

Исследователей в этом случае интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными

чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. (можно было бы сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология) (ср. записки Клёцкиной (РР и НС)).

Дискурс кого? Имеются в виду правила порождения смыслов, которые принадлежат тому, кто обозначен генитивом.

Так, для французской социологической школы дискурс – прежде всего определённый **тип** высказывания, присущий определённой социально-политической группе или эпохе («коммунистический дискурс»).

Предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создаёт саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты.

См. пример коммунистического дискурса (Вера Савчук): *Я призываю вас прийти на избирательные участки и отдать голоса за наш блок «Победу». И мы с вами через 4 года будем видеть, как восстановятся наши заводы и фабрики, как восстановится наша жизнь, и как мы будем снова петь наши русские замечательные песни.*

Таким образом, мысли когнитологов о том, что язык позволяет доступ к работе нашего сознания и нашего интеллекта, «своеобразно преломляются здесь, логически приводя к возможности увидеть за дискурсом (текстом, имеющим своего автора и создаваемым для выражения его позиции в определённых конкретных условиях его социального бытия) особый фрагмент ментального мира и восстановить его специфические особенности»

Итак, **дискурс – это вербализация определённой ментальности;**

это такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создаётся свой (присущий определённому социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности.

Дистрибутивный анализ (от лат. *Distribuere* – распределять, разделять) – метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции, распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведений о полном Л.З. или Г.З. этих единиц.

Предлагаемый далее дискурс-анализ выполнен студенткой 2 курса РР Лютой Анастасией.

В этом смысле дебаты в парламенте, митинг в поддержку кандидата в депутаты, встреча с избирателями, интервью на телевидении – всё это может быть названо сложным коммуникативным событием.

Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – Киев.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

Дискурс понимается как включающий одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в её социальный контекст, и её результат (т.е. текст).

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С.71.

См. там же, – С.38.

Симптоматично также название блока, от лица которого выступает В.Савчук, – «Победа».

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М., 1993, – С. 272.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 246.

И всё же, как пишет Ю.С. Степанов, «дискурс не может быть сведён к стилю», хотя это действительно «язык в языке», это одновременно и особая социальная данность.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб.

обзоров / РАН ИНИОН Центр гуманитарных научно-информационных исследований, Отд. языкознания: Ромашко С.А., отв. ред. и др. – М., 2000. – С.16.

МАС: Специфический – составляющий отличительную черту, особенность кого-л., чего-л., свойственный только кому-л., чему-л., характерный.

ТЕМА 2. Деятельностный подход к анализу дискурса.

1. Деятельностный подход к анализу дискурса.
2. Коммуникация как действие.

Текст для конспектирования:

МИХАЛЁВА О.Л.

ДИСКУРС ОБЪЕКТА VS ДИСКУРС СУБЪЕКТА: СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

Если в рамках структуралистского подхода «язык рассматривался как более или менее самодостаточный механизм, автономный как по отношению к человеку, так и по отношению к внеязыковой реальности» [Кустова 2000: 85], то для современных лингвистических теорий характерны совсем иные акценты. Их отличает стремление, с одной стороны, встроить язык в систему других когнитивных механизмов человека, с другой – выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью. В этом случае определяющим является стремление показать, что язык и сам несёт отпечаток человеческих способов освоения реальности и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощением наивной (языковой) картины мира, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком – восприятие «сквозь призму языка» [см. Апресян 1995; Арутюнова 1999; Баранов 2003; Демьянков 1994, 2001; Кобозева 2000, 2001, 2003; Рахилина 2000].

Восприятие человеком того или иного события или ситуации оказывается предопределённым имеющимися в его сознании когнитивными структурами, в результате чего человек оперирует не фактами, а представлениями об окружающем мире. Так, Р.Лангакер подчеркивает, что мир не дан человеку непосредственно, а создается им (is construed) и интерпретируется [Р.Лангакер цит. по Фрумкина 2001: 357], поэтому вполне уместным будет утверждение, что мы создаем мир с помощью нашей психики .

В результате действия данных факторов, согласно Р.Лангакеру, возникает некий конструкт. Этот новый объект, отражающий созданный субъектом мир, и предлагается называть **дискурсом** .

В современном использовании термина **дискурс** можно выделить два основных его употребления.

С одной стороны, дискурс понимается как речевая практика, т.е. «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [Карасик 2000: 5].

С другой, дискурс предстаёт как сложное коммуникативное явление , не только включающее акт создания определённого текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего [ван Дейк 1989; Фуко 1996 и др.].

Истоки этих двух подходов, по нашему мнению, следует искать в 50-х гг. XX века, когда американский исследователь З.Харрис публикует в 1952 г . статью «Discourse analysis», посвящённую методу дистрибуции по отношению к сверхфразовым единствам [Harris 1952]. В это же время Эмиль Бенвенист, разрабатывая теорию высказывания, последовательно применяет традиционный для французской лингвистики термин **discours** в новом значении

– как характеристику «речи, присваиваемой говорящим» [Бенвенист 1974: 139]. Таким образом, эти два авторитетных учёных закладывают традицию тождественного обозначения разных объектов исследования: Э.Бенвенист понимает под дискурсом экспликацию позиции говорящего в высказывании (функциональный подход), в трактовке З.Харриса объектом анализа становится последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение (формальный подход).

Формальный подход выявляется там, где исследователь предельно абстрагируется от социальных и контекстно-обусловленных особенностей использования той или иной языковой единицы, и дискурс определяется просто как язык выше уровня предложения или словосочетания.

В русле же функционального подхода дискурс рассматривается в связи с использованием языка в процессе речевого общения людей, следовательно, можно говорить о зависимости определения дискурса от того, с какой целью и в каком ракурсе рассматривалось само общение.

Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Не менее важна для нашего понимания термина «дискурс» и концепция, восходящая к работам французских структуралистов, прежде всего к М.Фуко [Фуко 1996].

Идея Фуко состояла в том, что инструментом освоения реальности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит, и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком её понимании и следует называть, по мнению М.Фуко, дискурсом. Таким образом, дискурс – это одновременно и процесс, и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо).

При таком понимании дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках.

Исходя из этого, констатируем обусловленность выбора языковых средств либо мироощущением говорящего (субъекта), либо существующим в социуме способом осмысления некоего социального феномена (объекта).

Следовательно, можно говорить о наличии двух видов дискурса: **дискурса субъекта** (например, дискурс Г.Явлинского, дискурс В.Познера и т.д.) и **дискурса объекта** (например, дискурс гламура, политический дискурс, дискурс КВН).

Под **дискурсом субъекта** понимается выбор языковых средств, подчиняющийся мироощущению говорящего; иначе говоря, это способ продуцирования речи (= способ говорения), эксплицирующий систему содержательных и формальных характеристик, свойственных только данному говорящему, а потому делающих уникальным генерируемый текст.

Для иллюстрации данного тезиса проанализируем отрывок из предвыборного обращения Г.Явлинского: *Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов. Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе. Об этом говорили буквально все. Это и зарплата, и пенсии. Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность. И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены. Он (перевес . – О.М .) необходим нам уже для того, чтобы мы могли сбалансировать то, что сейчас может сложиться в Государственной Думе, чтобы мы могли помочь найти решения и компромиссы, чтобы мы могли сделать Думу работоспособной. Ещё хочу сказать вам, что очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям. Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов.*

Используя личное местоимение *Я*, реализуя тактику неявной самопрезентации, говорящий позиционирует себя как деятельную, сильную личность. Данный прагматический эффект подкрепляется тем, что в предложении *Я решил сегодня сам прийти к вам* субъект пропозиции равен говорящему, поскольку участник ситуации (партиципant) обозначен соответствующим ему канонически оформленным актантом. Партиципant выполняет в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой (им.п., ед.ч). Таким образом на прагматическом уровне создаётся эффект яркой, сильной личности.

Далее в предложении *Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе* говорящий, формально переходя к реализации тактики кооперации, демонстрируя единение со слушателями, на самом деле актуализирует стратегию на понижение посредством использования тактики анализ-«минус». Происходит это следующим образом: используя приём «Мы-инклюзивное» и подкрепляя это лексическими средствами (*мы с вами*), репрезентирующими идею совместности, говорящий, вводя слушающего в свою личную зону, акцентирует его внимание на идее общности, параллельно (используя приём «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию») навязывая мысль 'у нас есть проблемы'.

В следующем предложении *Об этом говорили буквально все* для называния субъекта действия использовано местоимение, указывающее на неопределённый референт, что даёт возможность говорящему уйти от конкретной номинации. Но тогда, когда говорящему выгодно актуализировать внимание адресата-наблюдателя, он называет реалии, которые для обычного человека имеют особую значимость: *Это и зарплата, и пенсии*.

Следующее высказывание *Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность* очень интересно как яркая иллюстрация особенностей дискурса Явлинского. Формально есть субъект действия, использовано двусоставное предложение с прямой диадезой, но тогда, когда требуется назвать конкретных исполнителей, дискурс, отображающий ментальность говорящего, навязывает ему использование номинализации, при которой, как известно, происходит свёртывание пропозиции, передаётся отвлечённость представления о процессе самом по себе, вне связи с производителем процесса. Говорящий не называет конкретных деятелей, тех, кто реально будет укреплять государство. В результате активно создаваемый образ деятельной, сильной личности начинает разрушаться. Этот процесс продолжается далее, несмотря на то, что теперь говорящим используется тактика обещания. При анализе следующего высказывания *И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены* можно установить, что субъект в предложении *чтобы эти задачи были решены* отсутствует, есть только называющее объект подлежащее, представленное фактитивом, т.е. партиципantom, возникшим, прекратившим существовать или подвергшимся изменению. Предикат же выражен краткой формой страдательного причастия. Благодаря этому усиливается прагматический эффект снятия говорящим с себя ответственности.

В высказывании *Он необходим нам уже для того, чтобы мы могли сбалансировать то, что сейчас может сложиться в Государственной Думе, чтобы мы могли помочь найти решения и компромиссы, чтобы мы могли сделать Думу работоспособной* говорящий реализует тактику прогнозирования, используя глаголы совершенного вида, семантика которого позволяет имплицировать мысль о возможности достичь положительного результата. Поэтому благодаря использованию данной тактики говорящий может под видом политического прогнозирования программировать сознание адресата-наблюдателя (с положительным для политика исходом дела).

В этом высказывании прогнозируется нежелательная как для говорящего, так и для слушающего ситуация, требующая вмешательства говорящего субъекта (путём *сбалансирования*). Прогнозируя такую ситуацию, политик провоцирует аудиторию на совершение того, что бы позволило говорящему в том самом прогнозируемом будущем иметь возможность вмешаться в эту ситуацию. Прогнозируя, он уже сейчас создаёт определённое ментальное

пространство в сознании слушающих, закладывая через использование пресуппозиций мысль о том, что в *неработоспособной Думе* обязательно сложится ситуация, требующая поиска *решения и компромиссов*. Но главное: имплицитно мыслится, что только говорящий и его партия смогут *помочь* найти достойное решение.

Если актуализировать другой аспект данной имплицитности, то обнаруживается идея, которую можно было бы оформить следующим образом: *'мы не сами будем искать, мы будем только помогать'*.

Выбор Г.Явлинским формы следующего высказывания является подтверждением сделанного нами в предыдущем абзаце вывода о такой особенности ментальности этого политика, как уклонение от ответственности: *Ещё хочу сказать вам, что очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям*. В предложении *очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям* говорящий осуществляет деагентивацию, переводит действие в неагентивный процесс. Агентивность предполагает контроль ситуации со стороны агенса, принадлежность ему решающего вклада в действие, но в данном предложении реализована косвенная диатеза: позицию подлежащего занимает не субъект действия, а объект. Именно объект выдвинут говорящим на роль главного в логическом плане. Произошло это благодаря тому, что объект маркирован формой именительного падежа. Акцентируя внимание на объекте, говорящий перемещает Агенса на Периферию диатезы, выводя его тем самым из центра внимания.

Более того, выдвинутый нами тезис о специфике ментальности данного политика подтверждается тем, какой номинации отдаёт предпочтение Г.Явлинский для обозначения субъекта. Это не местоимение 1 лица единственного числа Я, а местоимение МЫ, более референтно неопределённое.

Таким образом, продуцируемый говорящим текст отражает специфику дискурса субъекта, эксплицирующего очень важную особенность ментальности Г.Явлинского: устранение политика от реальной деятельности, а также свойственное ему уклонение от ответственности.

Анализируя с позиций дискурсивного подхода используемые говорящим языковые средства, исследователь получает возможность выявить специфику ментального пространства говорящего, т.е. реконструировать ментальные структуры, организующие его дискурс – дискурс субъекта.

Под **дискурсом объекта** нами понимается вербализация ментального пространства, основанная на общепринятых способах восприятия и интерпретирования социального феномена. Иначе говоря, это некие правила речевого взаимодействия, локализованного в определённых социокультурных условиях, так, в частности, политический дискурс – это не высказывания о политике, не разговор о политике, а сложившаяся практика, предполагающая систему правил для организации разговора о политике. Дискурс объекта – это не то, «о чём идёт речь» (не «предмет речи»), а то, как организуется речь, поэтому можно утверждать, что дискурс заставляет делать сообщения определённым образом. Более того, дискурс заставляет мыслить определённым образом, предопределяя тем самым отбор языковых средств из огромного числа вариантов, предоставляемых языком.

Проиллюстрируем данный тезис, проанализировав отрывок из предвыборного выступления В.Савчук, политика, принадлежащего левому крылу политического дискурса: *Я призываю вас прийти на избирательные участки и отдать голоса за наш блок «Победу». 1 И мы с вами через 4 года будем видеть, 2 как восстановятся наши заводы и фабрики, 3 как восстановится наша жизнь и 4 как мы будем снова петь наши русские замечательные песни*.

Обратим внимание на второе предложение данного отрывка. Как видим, роль говорящего и его адресата получает агентивную интерпретацию только в первом и четвертом фрагменте – там, где речь идёт о готовности адресанта *видеть* наступившее само по себе благополучие и петь по этому поводу *замечательные русские песни*. Зато второй и третий

фрагменты оформлены как безагенсный пассив, в котором подразумеваемый субъект переходит в подразумеваемое агентивное дополнение. Адресант «проговаривается», неожиданно являя свое политическое кредо (*‘кто-нибудь восстановит заводы, фабрики, жизнь вообще, а мы с вами будем за этим наблюдать и по достижении положительного результата – петь песни’*). Таким образом, выбирая способ указания на субъект политической деятельности в высказывании, говорящий отражает ментальные установки социума, к которому принадлежит, навязываемые ему дискурсом объекта (в данном случае, политическим дискурсом левого крыла).

Формируются данные виды дискурса благодаря системообразующим признакам, совокупность которых позволяет вычленить определённый дискурс из ряда существующих разновидностей.

К системообразующим признакам дискурса относим следующие:

- участники;
- цель;
- способы общения (стратегии и тактики);
- базовые ценности;
- реализуемые функции;
- дискурсивные формулы.

Рассмотрим подробнее каждый из названных системообразующих признаков.

1. Участники дискурса – представители той или иной социальной группы, вступающие в общение и исполняющие определённые коммуникативные роли. Разновидности коммуникативных ролей напрямую зависят от вида дискурса. Так, например, в политическом дискурсе нами выявлено три разновидности коммуникативной роли.

• 1) Sb политического действия-1 – **Адресант** (говорящий) – такой участник, который согласно своему волеизъявлению направляет речь к тому или иному коммуниканту (*‘Я – единственный лидер партии, который никогда не сотрудничал с КПСС’* (В.Жириновский)).

• 2) Sb политического действия-2 – **Прямой адресат** (слушающий) – коммуникант, в политическом дискурсе чаще – соперник, который реально в разговоре может участвовать (и тогда это ситуация открытого противостояния), а может и отсутствовать в данный момент (ситуация скрытого противостояния) (*‘Вы сегодня здесь можете находиться во главе Союза правых сил, потому что многопартийную систему ввела новая Конституция России и без ЛДПР она бы не была принята. Вы бы жили в условиях диктатуры сегодня, Борис Ефимыч’* (В.Жириновский)).

• 3) Sb политического действия-3 – **Адресат-наблюдатель** («народ») – третий субъект политического действия, внимания которого добиваются политики, на чьи интересы ссылаются, чьё мнение, как им кажется, представляют (*‘Наши соотечественники научились сравнивать слова и дела’* (С. Ястржембский)).

2. Цель дискурса – предполагаемый результат коммуникации, обусловленный причинами конструирования и реализации дискурса.

Сущность и цели политики как «сознательного изменения или стабилизации позиции власти» [Bergsdorf 1985: 187 цит. по Желтухина 2000: 30], как «завоевания и удержания власти элитой в борьбе с политическими противниками» [Желтухина 2000: 30] инкорпорируются в сознание участников коммуникации, а значит, отражены и в политическом дискурсе. Следовательно, основным системообразующим критерием для выделения этого вида дискурса может служить тематический определитель цели – «борьба за власть» (при наблюдающемся жанровом и стилевом разнообразии все остальные критерии лишь уточняют основную и варьируют в зависимости от контекста).

Основная цель дискурса глянцевого журналов заключается в том, чтобы сформировать у адресата определённый – гламурный – стиль жизни.

В дискурсе КВН основной целью является привлечение внимания адресата к личности игрока, к специфической коллективной общности – «команда КВН».

3. Способы общения – избираемые участниками дискурса стратегии и тактики.

Под коммуникативной стратегией понимается план оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающий объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые в свою очередь обуславливают структуру текста. Каждая стратегия дискурса реализуется благодаря использованию определённого набора тактик. Тактика – это конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приёмов, обуславливающих применение языковых средств.

В результате анализа политических текстов обнаруживается, что избираемый коммуникантами способ общения предопределён не только агональностью как свойством политического дискурса, но и наличием противоборствующих сторон (агональность, как и всякая борьба, не может быть реализована без соперника), наличием адресата-наблюдателя (агон – это, помимо борьбы, и театральное представление, немыслимое без зрителей). Под влиянием фактора «наличие противоборствующих сторон» говорящий вынужден выбрать такой план оптимальной реализации речевых намерений, в результате применения которого можно максимально уменьшить значимость статуса собеседника (Sb -2), т.е. развенчать позиции своего политического противника и максимально увеличить значимость своего статуса, т.е. возвысить себя (Sb -1). Наличие же адресата-наблюдателя предопределяет возможность «игры на зрителя», коим является потенциальный избиратель, т.е. Sb -3. Говорящий стремится сделать процесс общения более зрелищным, вызвать эмоциональный отклик и тем самым вовлечь адресата-наблюдателя, воспринимающего «политические события как некое разыгрываемое для него действие» [Шейгал 2000: 92], в процесс «игры», сделать его «соучастником».

Под воздействием данных факторов в политическом дискурсе формируются три стратегии:

	Стратегия на понижение	Стратегия на повышение	Стратегия театральности
ТАКТИКИ	анализ-«минус» обвинения безличного обвинения обличения оскорбления угрозы	анализ-«плюс» презентации неявной самопрезентации отвода критики самооправдания	побуждения кооперации размежевания информирования обещания прогнозирования предупреждения иронизирования провокации

В дискурсе глянцевого журнала в результате анализа материала выделено четыре стратегии. Стратегия на понижение направлена на развенчание прежних ценностей адресата путём занижения его самооценки, в результате адресат становится более восприимчивым к тем ценностям, которые предлагают создатели глянцевого журнала. Стратегия обобщения нужна для создания иллюзии сближения участников дискурса глянцевого журнала (авторов и читателей). Стратегия на повышение направлена на демонстрацию глянцевого журнала исключительно с позитивных сторон (авторы журнала позиционируют себя как эксперты в различных областях знаний (психология, медицина, искусство, мода и т.д.), что подчинено цели всех глянцевого журнала – привлечению внимания читателей. Стратегия положительной характеристики адресата служит для положительного позиционирования читателя (при этом те черты характера, которые оцениваются социумом как отрицательные, могут быть репрезентированы как положительные).

4. Базовые ценности – совокупность того, что, представляя наибольшую значимость для говорящего, находится в иерархии ценностей субъекта на первых позициях и обуславливает существование цели дискурса.

Важность выявления системы базовых ценностей дискурса не вызывает сомнений, поскольку её существование (как некоторой структурированной в зависимости от важности для говорящего системы) является основой для формирования в сознании участников дискурса определённой концептосферы, отражающей особые, присущие только представителям данного социума, варианты интерпретации действительности.

Рассмотрим, например, способы интерпретации концепта ЖЕНЩИНА, осуществлённые посредством актуализации разных слотов структурирующего этот концепт фрейма.

Рощина: *Естественно, что ... тот путь... который проходит Россия ... тернистый. И к сожалению, на этом пути очень большую, тяжёлую долю несут наши женщины ... женщины России. Всё равно она всегда отождествлялась женщиной. ... Да. Двуглавый орёл, я согласна, это могущество России. Но я глубоко уверена в том, что могущество России, её национальная гордость, её национальное достояние – это женщина.*

Анпилов: *Маркс говорил, что эпоха торжества капитала над трудом – это предыстория человечества. С освобождением труда, если хотите, с появлением серпа и молота начинается реальная история человечества. И только серп и молот, а не двуглавый орёл, освободил женщину. Мне всегда... У кого-то вызывает улыбку... Но посмотрите, освобождённый труд... он освобождает женщину Востока. Он снимает, сдирает с неё паранджу, освобождает её из рук пьяных этих ... недоумков, которые буквально ... женщину считали рабыней. Да и у нас тоже ... можно восторгаться ... да, у нас Богородица ... символ России. Но как обращались с женщиной? Почитайте Горького, почитайте Толстого... Вы что, не видите? Только Советская власть освободила женщину. Но самое главное, она дала ей то, что желает, страстно желает любая женщина в мире. Это – возможность ребёнку идти дальше ... учиться ... а сегодня ... хамы отнимают всё, что было у женщины завоёвано.*

В реплике представителя правого крыла политического дискурса (Рощина) концепт ЖЕНЩИНА интерпретируется через отсылку к прецедентному тексту «*Долюшка русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать*» (отрывок из поэмы Н.А.Некрасова): у русской женщины тяжкая доля, которую она несёт всю свою жизнь. Женщина мыслится как субъект деятельности (агенса), непосредственно участвующий в ней в роли активного деятеля, который осуществляет контроль над ситуацией, по чьей инициативе она разворачивается [1].

В дискурсе, к которому принадлежит В.Анпилов, женщина мыслится как объект, испытывающий на себе чьё-либо воздействие: её освобождают *из рук пьяных недоумков, сдирают с неё паранджу*.

Как видим, на дискурсивном уровне один и тот же концепт ЖЕНЩИНА получает полярную интерпретацию: женщина представлена как активный, действующий субъект в одном дискурсе объекта и как пассивный объект воздействия в другом.

Базовые ценности дискурса тесно связаны с другим системообразующим признаком – реализуемыми функциями, поскольку одной из основных функций любого дискурса является навязывание базовых ценностей этого дискурса адресату.

5. Реализуемые функции – назначение, роль дискурса.

По справедливому утверждению Л.Филлипс и М.Йоргенсен, «язык не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а «механизм», воспроизводящий и в результате создающий социальный мир. Посредством приписывания значений в дискурсе [2] формируется социальная идентичность и социальные отношения. То есть приписывание значений в дискурсе является средством изменения мира. Борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздаёт социальную реальность» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 26]. Анализ материала позволяет утверждать, что «воссоздание социальной реальности» является функцией любого дискурса объекта. Обычно это реализуется путём формирования коллективной идентичности, которое было бы невозможным без уже упоминавшегося выше навязывания базовых ценностей новым участникам дискурса. Эта функция дискурса объекта – формирование коллективной идентичности – является основополагающей,

остальные функции могут быть реализованы только при условии апеллирования к ней как к базовой.

В качестве иллюстрации рассмотрим, какие функции реализует дискурс глянцевого журнала. Как уже упоминалось выше, основная цель дискурса глянцевого журнала – формирование определённого, гламурного, стиля жизни. Для достижения данной цели необходимо сначала сформировать у адресата желание быть причастным к некоему социуму (в данном случае – к миру красивых, ухоженных, следящих за модой, пользующихся красивыми, дорогими вещами людей). Затем, сформировав потребность в обладании данными вещами, авторы журналов стараются навязывать новые «глянцевые» ценности, а это и является «формированием коллективной идентичности», т.е. реализацией основной функции дискурса глянцевого журнала: *В московской жизни ничего личного нет, зато есть список всех дешёвых магазинов в округе, дистрофичный фикус на окне и телефонные карточки из серии «позвони на родину». Теперь эти времена мы вспоминаем с затаенной нежностью... Пришлось выучить такие слова, как «Луи Бюиттон» и «мохито», и стереть с карты мира магазины «Копейка». Зато на ней появились модные рестораны, клубы и бутики. В ванной катастрофически разрослась колония баночек и флаконов. Это для себя, любимой. В приведённом отрывке из статьи глянцевого журнала адресант использует игру на контрастах, реализуя её через антитезу: сначала описываются времена, которые – с помощью лексем, обозначающих реалии, отрицательно оцениваемые социумом (дешёвый, дистрофичный), – интерпретируются автором как негативные, «вынуждающие» выбирать дешёвые магазины , а затем упоминаются « Луи Бюиттон », модные рестораны, клубы и бутики . Автор пытается переориентировать существовавшие до этого ценности читателя на новые, глянцевые, в центре внимания теперь сам читатель (точнее, читательница) – самим собой любимый .*

Признайтесь, что, хотя в нашем неласковом климате душа все время просит чего-нибудь согревающего, грезим мы чаще о недоступной для средней полосы роскоши: жить в загородном доме со стеклянной крышей, садом (реалистически называемом «зимним») и окнами во всю стену, к лисьему полушубку надевать мини-платье, колготки 15 ден и босоножки.

Следует обратить внимание, что вначале автор стремится приблизиться к читательнице, используя лексему со значением совместности – *наш* , а затем, актуализируя *мы* -инклюзивное, апеллирует к новым идеям и ценностям, навязывая их читателям.

В результате анализа статей глянцевого журнала нами выделены как дополнительные (вспомогательные) следующие функции: утверждение двойного жизненного стандарта, псевдодраматизация жизни, создание мифа об идеальной женщине (в женском глянцевом журнале) / мужчине (в мужском глянцевом журнале).

6. Дискурсивные формулы – «своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [Карасик 2004: 280]. Эти формулы объединяют всех представителей данного социума. В качестве иллюстрации данного тезиса проанализируем отбор участниками политического дискурса языковых средств, выражающих идеологическую позицию говорящего, а потому являющихся дискурсивными формулами.

В политическом дискурсе говорящий, распределяя в своих высказываниях ценностные аспекты, демонстрирует своё отношение к ситуации в целом. Эта ситуация может рассматриваться во временной локализации: по отношению к настоящему, прошлому и будущему.

Отношение к настоящему

Правые: (а) *номенклатурный капитализм латиноамериканского типа, болото между развалившимся социализмом и ещё не построенным цивилизованным рынком, интересы бюрократии, интересы номенклатуры, популистские законы, бедность пенсионеров*; (б) *бездействие власти, чехарда в правительстве, недееспособность Думы*; (в) *тоталитарные методы, беззаконие, произвол, громкие заказные убийства*.

Левые: (а) *грабительская приватизация, преступная приватизация, ограбление, утечка капитала, коррупция, развал экономики, кризис власти*; (б) *голод, нищета, зависимость*

страны, прозябание на задворках мировой цивилизации, жалкая роль нищей страны, унижение, тяжелейшее состояние, упадок, развал, разруха, деградация, катастрофа, трагедия, смерть; (в) пасынки в собственной стране, выжиги, рвачи, жулики, грабители, предатели Родины, преступники; (г) этноцид, денационализация, геноцид нации.

Сравнение номинаций в соотносительных подгруппах обнаруживает совершенно определённые тенденции.

И левые, и правые выражают негативную оценку современной ситуации, однако способ выражения этой оценки различается весьма существенно. При характеристике социально-экономического аспекта [см. примеры группы (а), (б)] правые пользуются соответствующей терминологией (*капитализм, социализм, цивилизованный рынок* и т.п.), в ряде случаев сопровождаемой экспрессивной лексикой (*болото между развалившимся социализмом и еще не построенным капитализмом, чехарда в правительстве* и т.п.). Однако общий идеологический фон, который стоит за этими употреблением, отражает скорее аналитическую, а не экспрессивную установку говорящего.

Принципиально иным образом выражена позиция левых. Как видно, здесь отсутствуют названия социально-экономических формаций, зато широко используются экспрессивные и эмоционально-оценочные средства. Одна из центральных идей – оценка *приватизации* как *грабительской* и *преступной*, сопровождаемой *коррупцией* и приведшей к *развалу экономики* и *кризису власти* (а). Общая оценка ситуации в стране выражается лексемами, которые акцентируют идею её отставания в социально-политической сфере (*зависимость страны, прозябание на задворках мировой цивилизации, жалкая роль нищей страны*), а также представление о крайнем неблагополучии, грозящем гибелью государства (*унижение, тяжелейшее состояние, упадок, развал, разруха, деградация, катастрофа, трагедия, смерть*). Виновники этой ситуации, по мнению левых, – *выжиги, рвачи, жулики, грабители, предатели Родины, преступники* (ср. также экспрессивные, но более умеренные на этом фоне оценки правых: *тоталитарные методы, беззаконие, произвол, громкие заказные убийства*). Специфичная для левого политического крыла идея – это идея национального унижения (*этноцид, денационализация, геноцид нации*), которая отсутствует в дискурсе правых.

Таким образом, рассмотренные группы употреблений отражают две линии в интерпретации действительности: для дискурса правых характерно наличие аналитической составляющей; для дискурса левых – эмоциональной (последняя воплощается обилием лексики, актуализирующей представление о катастрофичности бытия).

Указанная тенденция обнаруживается и при выражении отношения к будущему .

Правые: (а) *цивилизованный европейский капитализм, европейские капиталистические ценности, цивилизованный рынок, капиталистическое общество европейского типа, демократическое общество, демократические силы, демократия*; (б) *рыночная экономика, конвертируемая валюта, частная собственность; укрепление государства, безопасность, единство страны, свобода выбора*; (в) *здоровая Россия; порядочность, ответственность, честность*.

Левые: (а) *победа будет за Советским Союзом, социализм* ; (б) *национализм, многодетная русская нация, национальное освобождение, раскрепощение народа*; (в) *смертная казнь, суд, возмездие, кара*; (г) *бесплатное образование, право на труд, обеспеченная старость, власть трудящихся, упразднение привилегий чиновников, гражданское равноправие, обеспеченность, социальная защищённость*; (д) *единство, объединение, мир и согласие между народами, человеческие ценности, возрождение и процветание, надежда, светлое будущее, свежие силы, величие и слава, процветание, братство, справедливость, нерушимость, неприкосновенность*.

Для правых важно, в первую очередь, указание на тип будущего государственного устройства (а) и его основополагающие черты (б), а также на важнейшие этические категории (в).

В дискурсе левых первый параметр представлен беднее (а), зато получает развитие национальная идея (б) и формируется идея возмездия (в); присутствует также указание на цели, которых следует достичь, сформулированное иногда достаточно конкретно (г), но значительно чаще – как некая заманчивая абстракция (д). При этом существенная часть оценочной лексики левых принадлежит к «числу стереотипизированных языковых средств» [Какорина 1996: 419], которые регулярно используются в дискурсе данных политических партий. Эти оценочные компоненты сохраняют своё прежнее советское звучание и их «релевантность для адресата заключается в манифестации узнаваемых оценок» [Какорина 1996: 410].

Выражение оценки прошлого отражает ту же тенденцию, о которой речь шла выше, но в обратном отношении.

Правые: *хаос, крах, развалившийся социализм, коммунистический режим, полномасштабный коммунистический эксперимент, талонная система, разруха, пьянство.*

Левые: *великая могущественная сильная держава, единое государство, Советская Родина.*

Это единственный случай, когда правые пользуются лексикой с негативной экспрессией там, где левые – позитивной (высокой).

Таким образом, идеологическая установка политиков реализуется посредством выбора определённых дискурсивных формул, представляющих собой языковое средство, выражающее мировоззренческую позицию говорящего и маркирующее его принадлежность к определённому дискурсу.

Проиллюстрируем использование дискурсивных формул в контексте, проанализировав начало выступления грузинского лидера М.Саакашвили на митинге, посвящённом приезду Президента США Дж.Буша в Грузию: *Соотечественники. Сегодня мы вместе пишем историю Грузии. Стены этого города помнят многое. Наша гордость, наша безгранично красивая Родина, на протяжении веков была ареной разгула многих захватчиков. Не было в мире ни одной империи, которая бы не принесла сюда кровь, разрушения, попытки уничтожения грузинского народа. Эти стены помнят римлян, византийцев, османов, персов, монголов, русских. Но никто из них не смог уничтожить наш гордый народ.*

В начале своего выступления М.Саакашвили посредством использования дискурсивной формулы *соотечественники* [3] (' тот, кто имеет общее отечество с кем-нибудь '), выступающей в качестве вокатива (лексическое значение данного слова позволяет Говорящему актуализировать идею своей близости к аудитории), а также при помощи местоимения 1-го лица единственного числа *мы* (в данном контексте – *мы* -инклюзивного, так как в его значение включается как сам Говорящий, так и условный Собеседник), усиливая мысль о единении посредством употребления лексемы со значением совместности *вместе* в предложении *Сегодня мы вместе пишем историю Грузии*, реализует функцию формирования общности. Кроме того, дискурсивная формула *пишем историю* в контексте второго предложения позволяет Говорящему позиционировать исторический момент, который переживает весь народ Грузии как момент торжественный и значимый в масштабе всей истории страны. Используемая лексема *сегодня* ('то, что существует, имеется сейчас'; 'в настоящее время, теперь' [МАС]), позволяет политику увязать идеи 'единства', 'торжественности' и 'значимости' с настоящим моментом.

Далее, в предложении *Стены этого города помнят многое* Говорящий передает идею насыщенности истории столицы некоторыми неопределёнными событиями. Использование дискурсивной формулы-метафоры *стены помнят* в контексте данного предложения позволяет адресату концептуализировать представление о Тбилиси как о живой субстанции, свидетеле множества событий, связанных с историей Грузии. Реализуя антропоморфную метафорическую модель, адресат задает путь ассоциативных связей, которые, как представляется, ведут к образу 'умудренного жизненным опытом старца'.

В следующем предложении *Наша гордость, наша безгранично красивая Родина, на протяжении веков была ареной разгула многих захватчиков* проясняет содержание множества

неопределённых Говорящим в предыдущем предложении исторических событий, непосредственным участником которых была Грузия. С помощью лексем со значениями, отрицательно оцениваемыми социумом, *разгул* и *захватчики* адресат формирует представление о долговременной в исторической ретроспективе узурпации государства враждебными по отношению к Грузии субъектами. Апеллируя к эмоциям аудитории, Говорящий применяет метафору *родина – гордость*, тем самым создавая положительно маркированный образ страны, которая является – исходя из контекста – воплощением чувства гордости всей нации, включая самого политика, о чем свидетельствует употребленное им притяжательное местоимение *наша*, позволяющее ему в очередной раз сократить психологическую дистанцию между собой и Слушающими. Анализируемое предложение содержит также метафору *родина – арена (разгула захватчиков)*; таким образом Говорящим выстраивается цепь взаимосвязанных образов с противоположной оценочной маркированностью. Данная антитеза формируется на основе противопоставления положительной и отрицательной оценки, закрепленной за концептами ГОРДОСТЬ, РОДИНА – АРЕНА (*разгула захватчиков*). Поскольку *гордость* и *родина* выступают как когнитивно равнозначные и противопоставленные *арене разгула захватчиков*, высока вероятность того, что информация 'наша гордость – арена разгула захватчиков' (учитывая этнопсихолингвистическую значимость концепта ГОРДОСТЬ в Грузии) способна вызвать, по меньшей мере, чувство возмущения адресата, относящегося к данной культуре.

Не было в мире ни одной империи, которая бы не принесла сюда кровь, разрушения, попытки уничтожения грузинского народа. В данном предложении с помощью манипулятивного приёма, называемого «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию», адресантом имплицитно передается информация о том, что 'Грузия пережила *кровь* ('убийство, кровопролитие' [МАС]), были *разрушения* и *попытки уничтожения грузинского народа*. Анализируемое предложение в сочетании со следующей за ним предикативной единицей *Эти стены помнят римлян, византийцев, османов, персов, монголов, русских* имплицитно передает информацию о том, что 'субъектами кровопролития, разрушений и попыток уничтожения грузинского народа являются римляне, византийцы, османы, персы, монголы и русские'.

Последнее предложение, являющееся дискурсивной формулой, поскольку отражает мировоззренческую позицию говорящего и маркирует его принадлежность к определённому дискурсу, *Но никто из них не смог уничтожить наш гордый народ* содержит манипулятивный приём («ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию»), с помощью которого имплицитно подается информация 'наш народ пытались уничтожить'. Таким образом, погружая слушателей в контекст формируемого Говорящим представления о мощных и сильных врагах, которые, несмотря на стремление уничтожить *гордый народ* Грузии, не смогли этого сделать, адресат с помощью дискурсивных формул апеллирует к базовой ценности «чувство гордости», которая весьма значима для его слушателей.

Следует отметить, что наборы системообразующих признаков дискурса субъекта и дискурса объекта различны. Анализ разнообразнейшего материала (тексты политических выступлений, тексты глянцевого журналов, записи интернет-форумов, реплики КВН-общения и др.) позволяет утверждать, что представленный набор системообразующих признаков задействован только при формировании дискурса объекта – дискурсу субъекта свойственны не все признаки из вышеперечисленных (признак «участники» не релевантен для дискурса субъекта по определению, признак «реализуемые функции» не является для дискурса субъекта системообразующим, а потому также не входит в перечень дифференцирующих признаков). Таким образом, дискурс субъекта формируется путём взаимодействия следующих системообразующих признаков: (1) цель, (2) способы общения, (3) базовые ценности, (4) дискурсивные формулы.

Представляется, что предложенные направления исследований, о которых идёт речь в данной статье, ориентированные на изучение специфических особенностей, присущих отдельным видам дискурса, позволяют не только идентифицировать принадлежность говорящего к определённому виду дискурса (посредством анализа экстерииоризации адресантом

свойственного этому виду дискурса ментального пространства), но и прогнозировать речевое поведение субъекта речи и как представителя определённого вида дискурса, и как самостоятельной языковой личности.

ТЕМА 3. Прагмалингвистический и социолингвистический подходы к изучению дискурса.

1. Дискурс в коммуникации.
2. Прагматический подход к изучению дискурса.
3. Функции языка

Доклады:

1. Содержательные категории дискурс-анализа.
2. Проблемы выделения единиц анализа дискурса.
3. Истоки возникновения дискурс-анализа.

Текст для конспектирования:

МАКАРОВ М.Л. ДИСКУРСИВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ И НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ

1. «Дискурсивный переворот» и новая онтология

Вопрос о научной природе языкознания, как дисциплины, занимающейся «исследованием языка, или человеческой речи во всем ее разнообразии» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I : 206], всегда имел определяющее значение: от принадлежности лингвистики к гуманитарным или, наоборот, естественным наукам зависят ее теоретическая ориентация, методологические установки и исследовательские практики.

Категория *гуманитарные науки* вызывает в памяти резкое возражение Бодуэна де Куртенэ [1963, II : 65—66]: «Здесь я позволю себе решительно высказаться против термина *гуманитарные науки*. Термин этот возник на фоне ограниченности средневековых понятий и обязан своим появлением филологам, охваченным манией величия, для которых "человек начинается только от грека". *Гуманитарные науки* — это просто науки психические, точнее говоря, психико-социальные». И хотя сегодня отказаться от этого термина не так просто, поскольку он прочно утвердился в истории науки, далее, учитывая замечание Бодуэна, под гуманитарными науками мы будем подразумевать именно науки социально-психологические или просто *социальные*, тем более что последнее наименование закрепилось в новых языках [*social sciences* — Schütz 1940; Hagège 1990; *Sozialwissenschaften* — Habermas 1985 и др.].

Социальные науки сегодня все больше обращаются к языку и дискурсу как методологическому основанию научного анализа. Одними из первых были философы. Изучением повседневной речи занимались этнометодологи и когнитивные социологи. К языковому материалу также обращались символический интеракционизм, теория социальных представлений и социальный конструкционизм. Эти тенденции усилились в общенаучном контексте постструктурализма и постмодернизма, причем настолько, что их рассматривают как лингвистический или *дискурсивный переворот* в социальных науках [*discursive turn* — Harré 1995: 146; Flick 1995 b : 94 и др.].

Смена парадигм основывается на принятии принципиально новой онтологии социально-психологического, человеческого *гуманитарного* мира, противопоставляемой традиционной онтологии материального *физического* мира. «Старую» *механистическую* онтологию

Ром Харрэ и Грант Жиллет условно называют «онтологией Ньютона», а новую *дискурсивную* — «онтологией Выготского» [Harré, Gillett 1994: 29—30].

Таблица 1. Две онтологии

Онтологии	Локализация	Сущности	Отношения
Механистическая (Ньютона)	Пространство и время	Предметы и события	Каузативный детерминизм
Дискурсивная (Выготского)	Сообщества людей, социальные миры	Речевые акты, дискурс	Вероятностные зависимости, правила и нормы диалога

Сопоставляя «старую» и «новую» онтологии, необходимо оговориться, что этот термин здесь понимается не как соответствующий раздел философии, охватывающий проблемы *бытия*, а скорее как система взглядов и базовых категорий относительно той части действительности, которая подлежит исследованию в данной сфере научного знания, иначе говоря, как научный способ вычленения и представления предмета анализа из совокупного объекта познания [ср.: Панфилов и др. 1983].

2. «Человеческое пространство»

Любому исследователю необходимо установить систему координат, с помощью которой локализуются объекты исследования. В старой онтологии эту роль играют пространственно-временные рамки: какая-либо сущность идентифицируется и описывается по своему месту в пространстве и времени, причем в данный момент времени она может быть только в одной точке пространства; нечто, занимающее другую точку в пространстве в тот же самый момент времени, даже обладая абсолютно теми же свойствами, рассматривается уже как *другая* сущность.

Для дискурсивных изысканий физическое время и место феномена общения, хотя и играют роль (заметим, опосредованную языковой, точнее, коммуникативной проекцией), решающего значения не имеют: когда что-то сказано, намного важнее знать, *кто* это сказал, *кому*, *как*, *о чем*, *с какой целью*. Слово (в самом общем смысле) «в равной степени определяется как тем, *чье* оно, так и тем, для *кого* оно» [Волошинов 1929: 102]. Дискурсивные явления имеют *место* и *время* в качественно иной среде: социально-психологическом «человеческом пространстве» [*people - space* — Harré, Gillett 1994: 31], которое конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли. Здесь уместно вспомнить понятие *коммуникативно-социальное поле* [ср.: Сусов 1979: 95; Романов 1988: 28], родственное идее *гештальта* в психологии и не лишенное феноменологических импликаций.

3. Дискурс и речевой акт в новой онтологии

С теоретической, да и с практической точек зрения необходимо выделить сущности, которые, собственно, и составляют объект анализа. В механистической онтологии Ньютона это предметы, вещи, «материя», с одной стороны, и события, явления, «силы», с другой. Соответствующими единицами в новой онтологии стали *дискурс* и *речевой акт*. Отметим сразу, что последняя категория содержательно не совпадает с единицей, послужившей основанием теории речевых актов, хотя и подчеркнем методологическое значение главной идеи Дж. Остина [Остин 1986; Austin 1962], заключавшейся уже в самом названии знаменитого курса лекций «*How to Do Things with Words*», буквально указывающем на то, что «слова» как «действия» занимают в онтологии место «вещей» [ср.: «*What People Say They Do with Words*» — Verschueren 1985; 1987].

Выделение в сложной структуре высказывания совокупности действий заставило многих пересмотреть свое отношение к анализу языка и особенно — его коммуникативной функции. Именно взгляд на высказывание в качестве атомарного факта социального мира в аналитической философии, а затем и в прагматике обусловил этот теоретический прорыв: анализ дискурса как последовательности или комплекса актов принципиально отличен от

грамматического анализа языковых форм, «овеществляющих» эти акты, и от семантического анализа актуализованных в них пропозиций по признаку истинности — ложности.

Следует напомнить, что такой поворот во взглядах на язык новым можно назвать лишь с известной долей условности: *деятельностное* представление языка, восходящее к идеям В. фон Гумбольдта [см.: Постовалова 1982: 67; Чупина 1987], было неотъемлемой частью теоретических рассуждений многих отечественных лингвистов. Например, Л. В. Щерба [1974: 102] последовательно доказывал тезис о том, что «язык есть деятельность человека, направленная всякий раз к определенной цели, к наилучшему и наиудобнейшему выражению своих мыслей и чувств...» Л. П. Якубинский [1986: 17] также был уверен, что «язык есть разновидность человеческого поведения ... есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия». Из этого неизбежно следовал вывод об онтологии языка: «Язык живет... в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка...» [Волошинов 1929: 114].

Обобщая сказанное выше, можно воспользоваться хрестоматийной фразой Роя Харриса: «Language is, undeniably, a type of activity» [Harris 1981: 4; ср. : Ромашко 1984]. В традициях социально-психологического, деятельностного подхода к языку категории *речевой акт* и *дискурс* взяли на себя роль сущностей в новой онтологии.

4. Вероятностные зависимости и правила диалога

Итак, после того как исследуемые сущности выделены и локализованы, требуется охарактеризовать природу отношений, связывающих их. В традиционной мировоззренческой системе Ньютона доминирующим типом отношений был каузативный детерминизм. Классические законы механики идеально иллюстрируют это отношение, например, если тело находится в свободном падении, его скорость меняется в строгой зависимости, описываемой известной формулой.

Язык в узком смысле (сосюрровский *langue* или щербовская *языковая система*) может быть описан в терминах причин и следствий, но это будет каузативность принципиально иного качества по сравнению с физикой, химией или биологией: функционирование языка помимо естественной, материальной или «объективной» причинности предполагает обязательное включение «субъективных», присущих только человеку факторов [Dinneen 1995: 8—9]. Научный анализ языковой коммуникации не должен осуществляться по образцу и подобию естествознания (если только не иметь в виду «физику» и «физиологию» речи): всему «тому, что существует вне мозга, т. е. собственно говоря, вне психики человека (и животного), свойственна своя закономерность — закономерность естественных наук в широком значении этого слова. То, что существует и движется в мозгу, а собственно говоря — в психике, обладает другой закономерностью — закономерностью психических наук» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II : 65].

По сравнению с механическим миром вещей, пространства, времени и каузативности дискурс представляет собой совершенно иную социальную «материю», где один речевой акт не может однозначно определять тип и свойства последующего акта: он скорее задает условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам общения. Тип отношений в новой онтологии не допускает однозначного детерминизма, он в большей степени характеризуется *размытыми* вероятностными зависимостями, обусловленными стратегиями, правилами и нормами «речи-во-взаимодействии» [*talk-in- interaction* — Schegloff 1987; Zimmerman, Boden 1991: 8—9; Psathas 1995 и др.].

ТЕМА 4. Типология дискурса.

1. Типы дискурса.
2. Многообразие функций и форм.

3. Письменная речь и устное взаимодействие

Доклады:

1. Историческая дискурсология как развитие дискурсивной парадигмы.
2. Лингвистические характеристики компьютерно-опосредованного дискурса
3. Когнитивно-дискурсивные исследования и их прикладная значимость

Текст для конспектирования

КАРАСИК В.И. О ТИПАХ ДИСКУРСА

Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. С позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписаний. Психолингвистов интересуют также типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции. Лингвостилистический анализ дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц (характеристика функциональных стилей). Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения - содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители (*hedges*), большие и малые текстовые блоки, дискурсивная полифония как общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста. Лингвокультурное изучение дискурса имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры. Дискурс как когнитивно-семантическое явление изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т.е. различных моделей репрезентации общения в сознании. Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. Эти подходы не являются взаимоисключающими.

С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует, на мой взгляд, в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение.

Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом. Именно для

этого типа дискурса справедливо замечание И.Н.Горелова (1980) о том, что вербальное общение лишь дополняет невербальное, а основная информация передается мимикой, жестиком, сопровождающими речь действиями и т.д. Специфика бытового общения детально отражена в исследованиях разговорной речи. Бытовое общение является естественным исходным типом дискурса, органически усваиваемым с детства. Этот тип дискурса характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний. Фонетически здесь является нормой нечеткое беглое произношение. Общаясь на бытовом уровне, люди прибегают к сниженной и жаргонной лексике, хотя статистически разговорные слова составляют не более 10% лексического фонда высказываний в разговорной речи (Девкин, 1979: 154). Важнейшей характеристикой единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, эти слова указательны по своему назначению (именно поэтому они и легко заменяются невербальными знаками), кроме того, в узком кругу хорошо знакомых людей реализуется лимитивная (ограничивающая, парольная) функция общения, коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу (семейные, групповые слова) и непонятны посторонним (Сиротина, 1983: 9). Нечеткость произношения коррелирует с семантической нечеткостью единиц: значения слов весьма подвижны, слова легко заменяются на приблизительные субституты, это речь, в которой главенствуют местоимения и междометия: "Ну, ты что?" - "Да я вот, тут..." - "А, ну ладно".

Бытовой дискурс отличается тем, что адресат должен понимать говорящего с полуслова. Активная роль адресата в этом типе дискурса предоставляет отправителю речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т.д.).

В отличие от бытового в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами.

Бытийный дискурс может быть прямым и опосредованным. Прямой бытийный дискурс представлен двумя противоположными видами: смысловой переход и смысловой прорыв. Композиционно-речевой формой смыслового перехода является рассуждение, т.е. вербальное выражение мыслей и чувств, назначением которого является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. Смысловой прорыв - это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов, своеобразная магма смыслов, разорванных со своими ближайшими ментальными образованиями, это может быть координативное перечисление разноплановых и несочетаемых сущностей или явлений, либо катахреза как сочетание несовместимых признаков, либо намеренный алогизм. Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, подсказанным определенными образными опорами. Эта реструктуризация сопровождается сильным эмоциональным потрясением и обладает фасциативным притяжением, т.е. подобные тексты требуют неоднократного повторения, и каждое повторение осознается адресатом как ценный опыт.

Опосредованный бытийный дискурс - это аналогическое (переносное) и аллегорическое (символическое) развитие идеи через повествование и описание. Повествование представляет собой изложение событий в их последовательности, для художественного повествова-

ния существенным является противопоставление сюжета и фабулы как глубинного развития и поверхностного перечисления событий. Описание - это статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений. Повествовательная и описательная аналогия базируется на устойчивых социально закрепленных ближайших смысловых связях, притча же требует более широкого культурного контекста и опирается на активную поддержку получателя речи.

Прямой бытийный дискурс в виде смыслового перехода представлен в любых видах логических умозаключений. Эти формы дискурса достаточно хорошо освещены в лингвистической литературе. Менее изучены виды смыслового прорыва. Следует отметить, что если смысловой переход с большой степенью вероятности приводит адресата к тому результату, который был запланирован автором, то успешный смысловой прорыв имеет место гораздо реже. В случае коммуникативной неудачи при смысловом переходе можно обнаружить те или иные логические ошибки либо намеренные софизмы, а неудачный смысловой прорыв превращается в белый шум, совершенно непонятное словесное нагромождение. Здесь, возможно, уместна аналогия с распространенными в настоящее время специальными квази-голографическими изображениями на плоскости, объемная глубина и удивительная резкость изображения которых проявляется при определенном способе рассматривания, все другие способы рассеивают внимание и не приводят к стереоскопическому эффекту.

Координативное перечисление разноплановых явлений обладает известным суггестивным потенциалом, поскольку создает сильное энергетическое смысловое поле, способное сообщить новый, нетривиальный смысл получателю речи. Знаки в координативном перечислении допускают в принципе любое прочтение, человек вынужден обращаться к своему подсознанию, мобилизуя интуицию и впитывая информацию из контекста, понимаемого предельно широко как весь жизненный опыт. В качестве примера поэтического текста можно привести известное стихотворение Эдварда Каммингса:

Anyone lived in a pretty how town
(with up so floating many bells down)
spring summer autumn winter
he sang his didn't he danced his did

Кто-то жил в славном считай городке
(колокол мерно звонил вдалеке)
весну и лето осень и зиму
он пел свою жизнь танцевал свой труд

(Пер. В.Британишского).

В поэтическом тексте происходит резонанс звукового ритма и накладывающихся друг на друга концептов. Отношения логического и эмпирического порядка вещей отступают на второй план и нейтрализуются. Происходит возвращение на первичный язык мыслительной деятельности, по З.Фрейду, т.е. язык подсознания, характеристиками этого языка являются следующие моменты:

- оперирование предметными представлениями, т.е. мнемическими следами визуальных, тактических, слуховых и других восприятий, отличающихся слабой дифференцированностью, семантической расплывчатостью, смещенностью и конденсированностью;
- континуальностью мышления, пренебрежением к логическим противоречиям;

- вневременными факторами, или ориентацией только в настоящем времени;
- обращением со словами как с предметными представлениями.

Вторичный язык мыслительной деятельности, как отмечает В.Н.Цапкин, отличается оперированием преимущественно словесными представлениями, дискретностью операций, абстрактно-логическим мышлением (Романов, Черепанова, 1999: 18-19). Психологическим механизмом возвращения к языку подсознания является дипластия, по Б.Ф.Поршневу (1974), т.е. психологический феномен отождествления двух элементов, которые одновременно исключают друг друга. "Бессмысленное провоцирует усилия осмысления", отмечают А.А.Романов и И.Ю.Черепанова (1999: 37). Эти усилия эмоционально окрашены и поэтому открывают возможности для кодирования психики. Координативное перечисление является одним из приемов суггестивного дискурса и распадается на несколько типов: 1) координативная цепь высказываний, 2) координативная цепь слов, 3) координативная цепь вербальных знаков, включающих непонятные единицы, например, иностранные слова.

С координативной цепью высказываний мы сталкиваемся в стихотворении Льва Рубинштейна "Появление героя": "Спасибо. Мне уже пора. - И ты поверил, дурачок? - Да он с утра уже косой. - Ты б лучше с Митькой погулял. - Сама-то знает, от кого? - Через неделю будет год. - Ой, надо же? А я не знал. - И в удареньях не силен. - Душа не может умереть!".

Координативная цепь слов весьма часто используется как в поэзии, так и в эзотерическом дискурсе. Например, перечисление сакральных имен или знаков, связанных со сверхъестественными символами для того или иного вероучения (Кровь - корень - дом - корона - лед - мел - мел - мел).

Координативная цепь комплексных вербальных знаков характерна для экспериментаторов в языке, ищущих новые возможности в фоносимволизме.

Катахреза представляет собой стилистический прием, суть которого состоит в сочетании несополагаемых сущностей ("вязкое дерево снов"). Катахреза, в отличие от семантически близких приемов метафоры и оксюморона, сориентирована на максимально активный поиск смыслов в сознании реципиента. Катахреза в принципе не допускает однозначной интерпретации и открыта для континуального прочтения. От координативной цепи катахреза отличается субординативным построением в виде субъектно-предикатного, либо атрибутивно-номинативного, либо вербально-адвербиального блоков. Субординативные отношения более сложны по своему устройству и вместе с тем более монолитны, чем координативные. С катахрезой в ее различных вариантах (фонетически осложненном и простом) мы сталкиваемся в художественных текстах, как поэтических, так и прозаических.

Под алогизмом понимается не только нарушение правил выводимости смысла, но и несоответствие картине мира. Намеренные алогизмы используются в суггестивном дискурсе. В качестве примера можно привести известный коан Дзен-буддизма: "Как звучит хлопок одной ладони?". Алогизмы близки парадоксам, но если парадокс - это перевернутое общее место, то алогизм - это перевернутая модель мира в целом. Сравним: "Сновидения истинны, пока они продолжаются" и "Цепь из цветов труднее порвать, чем цепь из железа".

Бытийный дискурс во многих отношениях диаметрально противоположен бытовому, но сходен с ним в одном очень важном качестве: это опора на активное осмысление содержания речи со стороны адресата. Личностно-ориентированное общение строится на широком

смысловом поле в сознании адресата, хотя природа расширения смыслов в бытовом и бытийном общении различна. В первом случае осознание смысла зависит от конкретной ситуации общения, во втором - от формы знака и личностной концептосферы адресата.

Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, по-видимому, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа. Например, проблематично говорить об институциональном дискурсе нумизматов или рыбаков. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Цель политического дискурса - завоевание и удержание власти, педагогического дискурса - социализация нового члена общества, медицинского дискурса - оказание квалифицированной помощи больному и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин. Участники институционального дискурса весьма отличаются по своим качествам и предписаниям поведения: отношения между солдатом и офицером имеют множество принципиальных отличий, например, от отношений между потребителем и отправителем рекламы. Есть разная степень открытости дискурса, например, клиенты в рамках научного, делового и дипломатического дискурса не отличаются от агентов, в то время как клиенты политического, юридического, медицинского, религиозного дискурса обнаруживают резкое отличие от агентов соответствующего дискурса. Следует заметить, что противопоставление персонального и институционального дискурса - это исследовательский прием. В действительности мы достаточно редко сталкиваемся с абсолютно безличным общением. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. В педагогическом дискурсе доля личностного компонента достаточно велика (она различается и в лингвокультурном отношении, например, в российских и американских школах приняты разные режимы общения учителя и ученика, в нашей стране традиционно отношения между школьниками и учителями являются более близкими, чем в США, но, с другой стороны, там менее формализованы отношения между студентами и преподавателями университетов, чем в России). В научном и деловом дискурсе личностный компонент выражен значительно меньше, хотя, например, последнее время традиционные безличные обороты реже употребляются в жанрах научных статей и монографий на русском языке.

Моделируя институциональный дискурс, можно выделить четыре группы признаков:

1. конститутивные признаки дискурса,
2. признаки институциональности,
3. признаки типа институционального дискурса,
4. нейтральные признаки.

Конститутивные признаки дискурса получили достаточно полное освещение в работах по социолингвистике и прагмалингвистике (Hymes, 1974; Fishman, 1976; Brown, Fraser, 1979; Белл, 1980; Богданов, 1990; Карасик, 1992; Макаров, 1998). Эти признаки включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, т.е. людей в их статусно-

ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки). Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хромотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение - это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального. Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (политический дискурс - власть, педагогический - обучение, религиозный - вера, юридический - закон, медицинский - здоровье и т.д.), связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Нейтральные признаки институционального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся "на чужой территории", т.е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы - в медицинском, научной дискуссии - в педагогическом).

Для описания конкретного типа институционального дискурса целесообразно рассмотреть его следующие компоненты:

1. участники,
2. хромотоп,
3. цели,
4. ценности (в том числе и ключевой концепт),
5. стратегии,
6. материал (тематика),
7. разновидности и жанры,
8. прецедентные (культурогенные) тексты,
9. дискурсивные формулы.

Подробно эти компоненты освещаются при характеристике педагогического и религиозного дискурса (Карасик, 1999а, 1999б), в данной же работе предлагается эскизное описание научного дискурса.

Научный дискурс традиционно привлекает к себе внимание лингвистов. Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям. В научном сообществе принято уважительное обращение "коллега", нейтрализующее все статусные признаки. Вместе с тем ученые отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, степени научной квалификации, академические звания и членство в престижных научных сообществах. Диада "агент - клиент", удобная для описания участников других видов институционального дискурса, в научном дискурсе нуждается в модификации. Дело в том,

что задача ученого - не только добыть знания, оценить их и сообщить о них общественности, но и подготовить новых ученых. Поэтому ученые выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор. Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии, это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога. Диалог этот может быть устным и письменным, поэтому для устного дискурса подходят зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет ученого, а для письменного прототипным местом является библиотека.

В одном из новейших исследований подчеркивается, что целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения - логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстрактизацией предмета речи (Аликаев, 1999: 60-68). Автор ведет речь не о научном дискурсе, а о научном функциональном стиле. Это означает, что акцент делается не на характеристиках участников и обстоятельств общения, а на текстуальных особенностях, которые вытекают из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах. В рамках научного стиля автор выделяет собственно научный (академический), научно-учебный, научно-технический, научно-публицистический, научно-информационный и научно-разговорный подстили. При этом в основу противопоставления академического и научно-технического подстилей положено не их дисциплинарное содержание, а преимущественная теоретическая либо экспериментально-прикладная направленность. Научно-учебный и научно-публицистический подстили являются периферийными по отношению к академическому подстилю как архетипу, но они весьма частотны и именно эти тексты фиксируют состояние дисциплинарного знания в определенный временной период. Научно-информационный подстиль является пограничной областью между научным и официально-деловым стилями. Сравнив русские и немецкие фрагменты выделенных подстилей в рамках научного стиля, Р.С.Аликаев доказывает, что максимальным межкультурным сходством характеризуются центральные подстили научного стиля, а наибольшее различие свойственно научно-публицистическому (научно-популярному) подстилю. Автор устанавливает прагматические характеристики научного стиля:

1. типизированный отстраненный субъект и объект речи, которые находятся в равных ролевых позициях,
2. типизированные условия общения, которые предполагают свободный обмен мнениями,
3. равные пресуппозиции участников,
4. сформированная традиция общения, и наличие значительного пласта общих текстов.

Рассматривая жанры научной речи, автор дифференцирует их на основании двух критериев - членимость либо нечленимость макротекста и первичность либо вторичность и выделяет в качестве первичных монографию, диссертацию, статью, в качестве вторичных - автореферат, аннотацию, тезисы (Аликаев, 1999: 81, 116). Научно-разговорный подстиль, в котором разграничиваются доклад и полемическое выступление, не отличается принци-

альными особенностями, тип мышления, как показано в другой работе, является более сильным фактором, чем форма речи (Богданова, 1989: 39). Заслуживает внимания специальное исследование, посвященное монографическому предисловию как особому типу вторичного научного текста, представляющему собой метатекст (информацию об информации), в котором реализуются различные виды прагматических установок - интродуктивная, экспозитивная, дескриптивная и др. (Белых, 1991: 7).

Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к признанию познаваемости мира, к необходимости умножать знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины ("Платон мне друг, но истина дороже"), к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления. Эти ценности сформулированы в изречениях мыслителей, но не выражены в специальных кодексах, они вытекают из этикета, принятого в научной среде, и могут быть сформулированы в виде определенных оценочных суждений: Изучать мир необходимо, интересно и полезно; Следует стремиться к раскрытию тайн природы; Следует систематизировать знания; Следует фиксировать результаты исследований (отрицательный результат тоже важен); Следует подвергать все сомнению; Интересы науки следует ставить выше личных интересов; Следует принимать во внимание все факты; Следует учитывать достижения предшественников ("Мы стоим на плечах гигантов") и т.д.

Оценочный потенциал ключевого для научного дискурса концепта "истина" сводится к следующим моментам: истина требует раскрытия, она неочевидна, путь к истине труден, на пути к истине возможны ошибки и заблуждения, сознательное искажение истины подлежит осуждению, раскрытие истины требует упорства и большого труда, но может прийти и как озарение, истина независима от человека. Истина сравнивается со светом, метафорой абсолютного блага. Истина едина, а путей к ней множество. Истине противопоставляется ложь и видимость истины. В русском языке осмысление истины зафиксировано в диаде "правда - истина" (См.: Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995). Системным контекстом для концепта "истина" выступает совокупность оппозитивных концептов "правда", "заблуждение", "ложь", "фантазия", "вранье" (Гак, 1995: 24). Для научного дискурса актуальным является доказательство отклонения от истины, т.е. доказательство заблуждения. Способы такого доказательства детально разработаны в логике.

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями:

1. определить проблемную ситуацию и выделить предмет изучения,
2. проанализировать историю вопроса,
3. сформулировать гипотезу и цель исследования,
4. обосновать выбор методов и материала исследования,
5. построить теоретическую модель предмета изучения,
6. изложить результаты наблюдений и эксперимента,
7. прокомментировать и обсудить результаты исследования,
8. дать экспертную оценку проведенному исследованию,
9. определить область практического приложения полученных результатов,
10. изложить полученные результаты в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (студентов и широкой публики).

Эти стратегии можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах (научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчет, рецензия, реферат, аннотация, тезисы). Письменные жанры научного дискурса достаточно четко противопоставляются по признаку первичности / вторичности (статья - тезисы), ведутся дискуссии по поводу того, что считать прототипным жанром научного дискурса - статью или монографию, дискуссионным является и вопрос о том, относится ли вузовский учебник к научному дискурсу; устные жанры данного дискурса более размыты. Выступление на конференции меняется по своей тональности в зависимости от обстоятельств (пленарный доклад, секционное выступление, комментарий, выступление на заседании круглого стола и т.д.). Существенное изменение в жанровую систему научного дискурса вносит компьютерное общение, размывающее границы формального и неформального дискурса в эхо-конференциях. Следует отметить, что стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией. Чисто традиционным является, например, жанр диссертаций, поскольку для определения уровня научной квалификации автора вполне достаточно было бы обсудить совокупность его публикаций. Но в качестве ритуала, фиксирующего инициацию нового члена научного сообщества, защита диссертации в ее нынешнем виде молчаливо признается необходимой. Ритуал, как известно, является важным способом стабилизации отношений в социальном институте.

Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, принципиально важным в этом вопросе является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Гуманитарные науки менее формализованы и обнаруживают сильную зависимость объекта познания от познающего субъекта (показательно стремление философов противопоставлять научное и философское знание).

Научный дискурс характеризуется выраженной высокой степенью интертекстуальности, и поэтому опора на прецедентные тексты и их концепты (Слышкин, 2000) для рассматриваемого дискурса является одним из системообразующих признаков. Интертекстуальные связи применительно к тексту научной статьи представлены в виде цитат и ссылок и выполняют референционную, оценочную, этикетную и декоративную функции (Михайлова, 1999: 3). Прецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации, например, лингвистам хорошо известны фразы "Colourless green ideas sleep furiously" и "Flying planes can be dangerous", используемые в работах по генеративной грамматике.

Под дискурсивными формулами понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте. Эти формулы объединяют всех представителей научной общественности-культурном фоне Йейтс свободно находит символы для своего поэтического воображения. Словно архитектор, он построил новую Византию с помощью собственных образов, переданных в условных рамках символизма" и "В художественном тексте разноуровневые знаки (от звука до текста) получают смысловые приращения, не представленные необходимо в их "дотекстовой" семантике". Стремление к максимальной точности в научном тексте иногда приводит авторов к чрезмерной семантической (терминологической) и синтаксической усложненности текста. Вместе с тем следует отметить, что научное общение предполагает спокойную неторопливую беседу и вдумчивое чтение, и поэтому усложненный текст в научном дискурсе оптимально выполняет основные дискурсивные функции: на максимально точном уровне раскрывает содержание проблемы, делает это содержание недоступным для недостаточно подготовленных читателей (защита

текста) и организует адекватный для обсуждения данной проблемы темп речи. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в жанре рецензий: "Высказанные замечания, разумеется, не ставят под сомнение высокую оценку выполненной работы".

Коммуникативные клише в рамках институционального дискурса являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в соответствующем институте. Например, каждый читатель, который сравнительно недавно окончил школу, с высокой степенью вероятности узнает реплику учителя в диалоге с рассеянным учеником: "Где дневник?" - "Дома забыл" - "А голову ты дома не забыл?" Тональность этого комментария редко соответствует требованиям педагогики сотрудничества.

Границы разновидностей институционального общения весьма условны. В настоящее время происходит быстрое изменение жанров дискурса, обусловленное прежде всего активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения доминирует в рекламном дискурсе, возникают транспонированные разновидности дискурса (например, телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе). Телевизионные дебаты претендентов на выборную государственную должность строятся как зрелищное мероприятие, в котором сценические характеристики общения выходят на первый план по сравнению с характеристиками политического дискурса. Нельзя не согласиться с Е.И.Шейгал, которая пишет, что "для обывателя, не читающего политических документов, не знакомого с оригинальными текстами речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препарированном виде через СМИ, политика предстает как набор сюжетов. Эти сюжеты (выборы, визиты, отставка правительства, война, переговоры, скандал) составляют базу политического нарратива, под которым мы понимаем совокупность дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события" (Шейгал, 2000: 70).

Выделение персонального и институционального типов дискурса ставит перед исследователями много вопросов. Дискуссионным, например, является вопрос о том, к какому типу дискурса относится общение в стихийно складывающихся группах: пассажиры в купе поезда, покупатели в очереди, граждане, стоящие в толпе перед посольством за получением визы и т.д. Эти виды дискурса не являются персональными и по определению не относятся к институциональному общению. В социальной психологии такие виды общения достаточно детально изучены, ситуативно-ролевые характеристики участников такого дискурса раскрыты, например, в работах по фреймовому анализу Эрвина Гоффмана (Goffman, 1974), который выделяет в качестве центрального понятия такого анализа "ключ и переключение" (key and keying) - совокупность условностей, благодаря которым некоторая деятельность, имеющая определенное значение в определенных обстоятельствах, получает новое осмысление со стороны ее участников (Goffman, 1974: 43-44). К числу таких ключей относятся, например, церемонии, состязания, инсценировки, переосмысление мотивов деятельности. Социолингвистическое исследование такого дискурса, его типология и специфика применительно к определенным классам ситуаций остается перспективной задачей коммуникативной лингвистики.

Совершенно иной подход к изучению дискурса требуется при исследовании игрового и суггестивного общения, которые представляют собой не ситуативно обусловленные типы коммуникативного поведения, а особую тональность общения, пронизывающую различные виды персонального и институционального дискурса. Заслуживает внимания исследование,

автор которого выносит на суд лингвистической общественности обширный список разновидностей модальной тональности: "официально, серьезно, шутливо, восторженно, дружелюбно, враждебно, саркастически, недоверчиво, безразлично, пессимистически, робко, мечтательно, с грустью, пренебрежительно, надменно, агрессивно, с отвращением, настойчиво, мрачно, удивленно, взволнованно, хвастливо, с тревогой, раздраженно, с обидой, откровенно, радостно, притворно, задумчиво, решительно, вызывающе, таинственно, грубо, испуганно, вежливо, ласково" (Багдасарян, 2000: 95). Разумеется, можно предъявить автору замечания по поводу того, каковы критерии выделения соответствующих тональных нюансов, в какой мере они различны (например, "робко" и "испуганно"), можно ли считать данный список исчерпывающим, но постановку такой проблемы можно только приветствовать. Нельзя не отметить, что различные виды эмоционального отношения участников общения к ситуации, предмету речи и друг к другу определяют тип общения в целом (Шаховский, 1995).

Важные характеристики дискурса раскрываются при исследовании не прямой коммуникации (Дементьев, 2000), т.е. общения, сориентированного на неизосемическое, неоднозначное соотношение отправляемой и получаемой информации. В.В.Дементьев безусловно прав, считая, что не прямая коммуникация позволяет людям гибко устанавливать адекватность значения и смысла, т.е. понимать друг друга с той степенью достаточности, которая и требуется в каждом конкретном случае. Развитие языка - это отнюдь не "выпрямление не прямой коммуникации": если научный и деловой дискурс подтверждают это положение, то художественный и обиходно-бытовой дискурс иллюстрируют то, что и удалось блестяще показать автору книги - выпрямление есть лишь временный момент в развитии изгиба.

Резюмирую. Выделение персонального и институционального дискурса позволяет установить релевантные признаки социокультурных ситуаций общения, типов коммуникативных личностей и способов организации текста и открывает перед языковедами новые перспективы изучения человека в языке.

ТЕМА 5. Структура дискурса.

1. Пропозиции.
2. Тема и рема в дискурсе.
3. Данное и новое в дискурсе.
4. Топик и комментарий в дискурсе.
5. Макроструктура дискурса.
6. Суперструктуры дискурса.
7. Связность дискурса. Когезия. Субституция. Эллипсис. Референция

Доклады:

1. Дискурс – анализ в отечественной лингвистике: этапы становления, достижения, перспективы.
2. Анализ дискурса и модели коммуникации.

Текст для конспектирования

1. AV OVO — ЧТО ТАКОЕ «ДИСКУРС»

В первом разделе рассматриваются различные подходы к определению *дискурса* в отношении к родственным категориям *текст, речь, монолог, диалог* и т. д., а также излагаются некоторые теоретические и практические аспекты анализа языкового общения в условиях конкуренции формальных и функциональных подходов к языку и коммуникации.

1.1 Функционализм vs. формализм

Дискурс-анализ, как одно из ведущих междисциплинарных направлений, изучающих языковое общение, явился своеобразной реакцией на сосюрровский, а позже — хомскианский редукционизм предмета языкознания. Во второй половине XX в. интересы языкознания отчетливо переместились в сферу языковой коммуникации, что воплотилось в появлении ряда «двойных» дисциплин (когнитивной, психо-, социо-, прагма- и прочих лингвистик).

Если в начале XX века лингвистику прежде всего занимал вопрос *Как устроен язык?*, то во второй его половине и особенно в последней трети больше внимания уделяется вопросу *Как функционирует язык?* Невозможность дать ответ на этот последний вопрос с позиций имманентной лингвистики предопределила расширение ее предмета и общую тенденцию к пересмотру философско-онтологических оснований всей дисциплины. К концу века заметно восстановление в правах интуиции и интроспекции, что, безусловно, объясняется ростом внимания к *человеческому фактору, субъективности* в лингвистике. Говоря о перспективах развития науки о языке, А. Е. Кибрик [1995: 219] прогнозирует переход от дискретной лингвистики, опирающейся на классическую аристотелевскую логику понятий, к науке, построенной на логике прототипов и размытых множеств; на смену таксономической, сосредоточенной на вопросе *КАК?*, приходит объяснительная *ПОЧЕМУ-* лингвистика. В этой связи поновому мыслится спор формализма и функционализма.

Дискуссия о формализме и функционализме [*functionalism vs. formalism debate* — см.: Nuys 1995: 293; Schiffrin 1994: 20—23; Leech 1983: 46] имеет две стороны, на практике, как правило, взаимосвязанные: во-первых, сталкиваются два трудно совместимых взгляда на лингвистические исследования (методологический аспект), во-вторых, обсуждаются различные точки зрения на природу самого языка (теоретический аспект).

Формализм исходит либо из утверждения об отсутствии у языка собственных точно определяемых функций, либо из теории о полной независимости формы от функции, ключевые понятия здесь: *autonomy* и *modularity* [Newmeyer 1988a; 1991]. Поэтому в своей методологии формализм настаивает на анализе структурных особенностей «языка в себе», не отягощенном изучением «языка в общении».

Принцип функционализма, опираясь на метафору «языка-инструмента», исходит из семиотического понимания языка как системы знаков, которая *служит* или *используется* для достижения каких-либо целей, выполнения каких-то функций. Методология функционализма предполагает изучение и структуры, и функционирования языка с целью выявления соответствий между ними. Теоретически функционализм основывается на признании взаимозависимости между формой и функцией, учете влияния употребления языка на его структуру.

В разные периоды функционализм был присущ многим лингвистическим и не только лингвистическим направлениям, например, он практически всегда присутствовал в психологии языка [Bühler 1934]. Формализм как научный принцип «явно моложе» [Nuys 1995: 294]. Формализм, о борьбе с которым говорил Л. В. Щерба [1974: 75], намечая линии «перестройки старой грамматики», характерен для теорий, имеющих позитивистскую ориентацию, методологически ассоциированных с американским структурализмом (в отличие от большинства европейских школ структурализма). В 60—70-х годах прошлого века формализм оказал влияние на психологию языка своей критикой функционализма за его альянс с

бихевиоризмом, со своей стороны предложив ментализм генеративной грамматики, хотя в психологии языка формализм по-настоящему так и не состоялся.

Генеративной лингвистике и многим другим направлениям середины века было присуще стремление к разработке строгих исследовательских процедур, основанных на логике формальных критериев, допускающих алгоритмическую верификацию. Автономности и ментализму формальных теорий функционализм противопоставил изучение языка в широком социокультурном контексте.

Функционализм придерживается следующих принципов или «аксиом», формирующих «грамматику языковых игр» сторонников данного подхода [ср.: Кобрин 1981; Бондарко 1984; Givón 1995; Nuyts 1995]:

- язык — это социально-культурная деятельность;
- структура языка обусловлена когнитивной или коммуникативной функцией;
- структура не произвольна, а мотивирована, иконична;
- постоянно имеют место изменения и вариативность;
- значение зависит от контекста, оно неатомично;
- категории размыты, «менее чем дискретны»;
- структура — гибкая, адаптивная система, а не застывшее формирование;
- грамматики постоянно возникают и видоизменяются;
- грамматические правила допускают отклонения.

Все эти принципы справедливы, но лишь в известной мере и «только в определенных контекстах» [Givón 1995: 9]. Пафос данного манифеста направлен не столько против формальных методов исследования, сколько против связанного с ним редуционизма. Ведь голое отрицание постулатов Соссюра и Хомского приводит к обратному редуционизму (отрицая полную произвольность и немотивированности грамматики, функционализм готов вывести ее полную мотивированность, иконичность и т. д.). Так функционализм, временно откровенно скатываясь к релятивизму, загадочным образом «превращается в карикатуру Хомскианства» [Givón 1995: xvii]. Чтобы избежать этого, дискурс-анализ, будучи представителем функциональной парадигмы, органично интегрирует достижения и данные всей предшествующей формально-структурной лингвистики. Причем для этого у него есть свои особенные предпосылки: сама история возникновения дискурс-анализа как самостоятельного научного направления в изучении языка и языкового общения говорит о его глубоких формальных и структурных корнях.

1.2 Формальное и функциональное определение дискурса

Категория *дискурс*, одна из основных в коммуникативной лингвистике и современных социальных науках, как и всякое широко употребляющееся понятие, допускает не только варианты произношения (с ударением на первом или втором слоге), но и множество научных интерпретаций, и поэтому требует уточнений, особенно в отношении к смежным терминам *текст*, *речь* и *диалог*.

Само определение такой категории, как *дискурс*, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения. Дебора Шифрин [Schiffrin 1994: 20—43] выделяет три основных подхода к трактовке этого понятия [ср.: Brown , Yule 1983; Stubbs 1983; Macdonell 1986; Crusius 1989; Burton 1980; Maingueneau e . a . 1992; Nunan 1993; van Dijk 1997 b ; 1997 a].

Первый подход, осуществляемый с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс просто как «язык выше уровня предложения или словосочетания» — « language above the sentence or above the clause » [Stubbs 1983: 1; ср.: Schiffrin 1994: 23; Steiner, Veltman 1988; Stenström 1994: xi и др.]. «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [Звегинцев 1976: 170] — критерий смысловой связности вносит заметную поправку, но сохраняет общую тенденцию.

Многие разнообразные формально-структурные лингвистические школы объединяет сосредоточенность на анализе функций одних элементов языка и «дискурса» по отношению

к другим в ущерб изучению функций этих элементов по отношению к внешнему контексту. Формалисты обычно строят иерархию составляющих «целое» единиц, типов отношений между ними и правил их конфигурации. Но чрезмерно высокий уровень абстракции подобных моделей затрудняет их применение к анализу естественного общения.

Второй подход дает функциональное определение дискурса как всякого «употребления языка»: «the study of discourse is the study of *any* aspect of language use» [Fasold 1990:65]; «the analysis of discourse, is necessarily, the analysis of language in use» [Brown, Yule 1983: 1; ср.: Schiffrin 1994: 31]. Этот подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Здесь принципиально допустимыми могут быть как этический, так и эмический подходы. В первом случае анализ идет от выделения ряда функций (например, по Р. О. Якобсону) и соотнесения форм дискурса (высказываний и их компонентов) с той или иной функцией. Во втором случае исследованию подлежит весь спектр функций (не определяемых априорно) конкретных форм и элементов дискурса.

Д. Шифрин предлагает и третий вариант определения, подчеркивающий взаимодействие формы и функции: «дискурс как высказывания» [*discourse as utterances* — Schiffrin 1994: 39—41; ср.: Clark 1992: xiii; Renkema 1993: 1; Drew 1995: 65]. Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. В этом случае вызывают затруднение различия подходов к определению *высказывания* [ср.: Арутюнова 1976: 43; Бенвенист 1974: 312; Леонтьев 1979; Бахтин 1979: 263; Степанов 1981: 291; Колшанский 1984: 85; Падучева 1985: 4; Слюсарева 1981: 67; Сосаре 1982: 81; Адмони 1994; Чупина 1987: 42; Сергеева 1993; Лурия 1975: 33; *энонсема* — Борботько 1981: 27; Blakemore 1992; Brown, Yule 1983: 19; Levinson 1983: 18; Sperber, Wilson 1995: 9 и др.].

1.3 (Устный) дискурс, (письменный) текст и ситуация

Соотношение понятий *дискурс*, *текст* и *речь* дискутируется давно и с неизменным интересом [например, см. Бисималиева 1999]. Эти категории требуют краткого комментария и в данной работе. Иногда их разграничивают по оппозиции *письменный текст* vs . *устный дискурс*, что неоправданно сужает объем данных терминов, сводя их к двум формам языковой действительности — использующей и не использующей письмо [ср.: Гальперин 1981: 18; Гиндин 1981: 29; Москальская 1981; Дридзе 1984; Тураева 1986; Филиппов 1989; Реферовская 1989; *written text* vs . *spoken discourse* — Coulthard 1992; 1994]. Такой подход весьма характерен для ряда формальных подходов к исследованию языка и речи.

На основании этой дихотомии некоторые исследователи склонны разграничивать *дискурс-анализ* (объектом которого, по их мнению, должна быть лишь устная речь) и *лингвистику* (письменного) *текста*: «there is a tendency ... to make a hard - and - fast distinction between discourse (spoken) and text (written). This is reflected even in two of the names of the discipline(s) we study — discourse analysis and text linguistics» [Hoey 1983/4: 1]. Такой подход просто не срабатывает в целом ряде случаев, например, доклад можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление, т. е. коммуникативное событие, хотя и монологическое (в традиционных терминах) по своей форме, но тем не менее отражающее всю специфику языкового общения в данном типе деятельности [Goffman 1981]. О неадекватности строгого разграничения дискурса и текста пишет и сам Хоуи : «it (the distinction. — M. M.) may at times obscure similarities in the organisation of the spoken and written word» [Hoey 1983/4: 1].

В начале 70-х годов была предпринята попытка дифференцировать понятия *текст* и *дискурс*, бывшие до этого в европейской лингвистике почти взаимозаменяемыми, с помощью включения в данную пару категории *ситуация*. Так, дискурс предлагалось трактовать как «текст *плюс* ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс *минус* ситуация» [Widdowson 1973; Östman, Virtanen 1995: 240]. В этом нашла выражение общая тенденция к пониманию дискурс-анализа как широкого подхода к

изучению языковой коммуникации, для которого характерны, с одной стороны, повышенный интерес к более продолжительным, чем предложение, отрезкам речи и , с другой стороны , чувствительность к контексту социальной ситуации : Discourse analysis is «a rapidly expanding body of material which is concerned with the study of socially situated speech... united by an interest in extended sequences of speech and a sensitivity to social context» [Thompson 1984: 74].

Термин *дискурс*, понимаемый как речь, «погруженная в жизнь», в отличие от *текста*, обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [ЛЭС: 137], хотя в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурс-анализа и самого термина *дискурс* к языковому материалу разной культурно-исторической отнесенности, например Библейским текстам и апокалиптической литературе [Arens 1994; O ' Leary 1994], а также произведениям литературы, текстам массовой культуры, психоанализу [см.: Гаспаров 1996; Миловидов 2000; Rimmon - Kenan 1987; Shotter 1993; Maingueneau е . а . 1992; Bracher 1993; 1994; Salkie 1995 и др.].

1.4 Дискурс/диалог/процесс vs. текст/монолог/продукт

Некоторые лингвисты трактуют *дискурс* как подчеркнута *интерактивный* способ речевого взаимодействия, в противовес *тексту*, обычно принадлежащему *одному* автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией *диалог vs монолог*. Само по себе последнее разграничение довольно условно, потому что наиболее естественным проявлением языковой активности следует считать диалог (даже монолог по-своему диалогичен — он всегда обращен к адресату, реальному или гипотетическому, *alter ego* говорящего). О диалогичности языка, речи и сознания писали очень многие [ср.: Волошинов 1929; Бахтин 1979; 1995; Радзиховский 1985; 1988; Якубинский 1986; Бенвенист 1974; Выготский 1934; 1982; Hagège 1990; Burton 1980; Myerson 1994; Weigand 1994; Shotter 1995; Baxter , Montgomery 1996 и др.].

Дискурс-анализ изучает социокультурные, интерактивные стороны языкового общения, но из этого не следует вывод об ограниченности его интересов только лишь устным диалогом: практически любой фрагмент языкового общения, включая самый банальный письменный текст, может быть рассмотрен под этим углом зрения.

Во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев: *функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность и актуальность — виртуальность*. Соответственно, различаются *структурный текст-как-продукт* и *функциональный дискурс-как-процесс* [*text - as - product , discourse - as - process* — Brown , Yule 1983: 24; *Textais-Struktur, Text - in - Funktion* — Hess-Lüttich 1979: 25].

Вариация на ту же тему, близкая третьему определению дискурса по Д. Шифрин, переходит в точку зрения на текст как на абстрактный теоретический конструкт, *реализующийся* в дискурсе [van Dijk 1977: 3; 1980: 41] так же, как предложение актуализуется в высказывании (*sentence vs . utterance*). Это один из способов теоретически связать форму с функцией. Другими авторами это отношение переносится на целый ряд категорий: грамматисты говорят об *узусе, предложении, локуции, тексте, когезии*; в то время как представители дискурс-анализа имеют дело с *употреблением, высказыванием, иллокуцией, дискурсом, когеренцией* [Coulthard 1977: 9]:

Таблица 1. Категории грамматики и дискурс-анализа

Grammarians:	usage	sentence	locution	text	cohesion
	↕	↕	↕	↕	↕
Discourse analysts:	use	utterance	illocution	discourse	coherence

По выражению Дж. Лича, *текст* реализуется в *сообщении*, посредством которого осуществляется *дискурс*: « *discourse by means of message by means of text* » [Leech 1983: 59]. Таким образом, в сложившихся рядах понятий *предложение* и *текст* отходят к первому, а

ко второму, соответственно, — *высказывание* и *дискурс* [ср.: Stubbs 1983: 9; Werth 1984: 11; Meу 1993: 187]. Если принять, что первый принадлежит уровню языка, а второй — языкового общения, то подобное разграничение приобретает смысл и оказывается методологически полезным.

1.5 Дискурс = речь + текст

Другой способ решения проблемы, причем довольно распространенный, сформулировал В. В. Богданов [1990а; 1993], рассматривая *речь* и *текст* как две неравнозначные стороны, два аспекта *дискурса*. Подобное решение встречается и у зарубежных авторов, например, это видно уже по титульному листу коллективной монографии *Analyzing Discourse : Text and Talk* [Tannen 1982; ср.: « discourse is either spoken or written » — Stenström 1994: xi ; подробнее об этом см.: Smejrkova e . a . 1994].

Не всякая речь поддается текстовому перекодированию, и далеко не любой текст можно «озвучить» [см.: Богданов 1990а: 3; Горелов 1987: 225—227]. Вследствие этого *дискурс* понимается широко — как все, что говорится и пишется, другими словами, как *речевая деятельность*, являющаяся «в то же время и языковым материалом» [Щерба 1974: 29], причем в любой его репрезентации — звуковой или графической. *Текст* (в узком смысле) понимается как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины *речь* и *текст* будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину *дискурс*» [Богданов 1993: 5—6]. Заметим, что все эти термины не образуют оппозиций и выраженных дихотомий.

Эта точка зрения, безусловно, заслуживает внимания, хотя бы уже потому, что здесь подчеркивается обобщающий характер понятия *дискурс*, снимается всякая ограниченность признаками *монологический/диалогический, устный/письменный*. Широкое употребление *дискурса* как родовой категории по отношению к понятиям *речь, текст, диалог* сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой. Подобной широкой трактовке отдается предпочтение и здесь.

На выбор термина *дискурс* в качестве центрального понятия, определяющего специфику парадигмы, влияют также метанаучные традиции: *дискурсанализ* воспринимается как «открытая» теория и практика в отличие от европейской школы *лингвистики текста*, занимающейся практически только письменными текстами, и американского *конверсационного анализа*, интересующегося изучением лишь повседневной речи.

ТЕМА 6. Дискурс и контекст.

1. Контекстуальные явления.
2. Дейксис и его виды.
3. Личный, временной и пространственный дейксис.
4. Типы выдвижения информации в дискурсе

Доклады:

1. Критический анализ дискурса: цель, задачи и предмет изучения.
2. Содержательная специфика вторичных текстов.

Текст для конспектирования

МИХАЛЁВА О.Л.

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА КАК МЕТОДА ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Назначение данной статьи – продемонстрировать потенциал метода дискурс-анализа при исследовании текстов, фиксирующих политический дискурс . В качестве материала анализа использован текст агитационного выступления лидера партии «Яблоко» Г.А.Явлинского.

Поскольку дискурс нами понимается как сложное коммуникативное явление, отражающее значительное количество экстралингвистических обстоятельств и являющееся способом упорядочения действительности, попытаемся через анализ используемых языковых средств выявить специфику ментального пространства, свойственного говорящему как представителю определённого вида политического дискурса .

Обратимся непосредственно к анализу текста предвыборного выступления Г.А.Явлинского.

Дорогие друзья!

В России заканчивается, пожалуй, самая тяжёлая, самая неприятная избирательная кампания. Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов. Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе. Об этом говорили буквально все. Это и зарплата, и пенсии. Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность. И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены. Вы знаете, что в нашей партии много талантливых, умных, чистых и честных людей, но сегодня нас беспокоит больше всего то, что может сделать Думу буквально парализованной. Все мы наблюдали с вами, как в течение этой кампании произошла схватка двух партий, сформированных властью.

Одна из них «Единство», её придумала администрация президента.

Другая – «Отечество – Вся Россия», основу этого блока составляют региональные руководители, губернаторы.

Схватка оказалась просто смертельной. Мы не обсуждали на этих выборах ни программы, ни задачи, ни цели, ни подходы к решению насущных проблем. Драка шла совсем в другом направлении.

Если эти две партии займут в Думе решающие позиции, парализация продолжится. Дума окажется неспособной принимать самые важные, самые неотложные решения. Перетягивание каната остаётся главной политической задачей.

«Яблоко» нуждается в вашей поддержке. Мы никогда не просим наших избирателей за нас голосовать. Но сегодня нам нужен перевес. Он необходим нам уже для того, чтобы мы могли сбалансировать то, что сейчас может сложиться в Государственной Думе. Чтобы мы могли помочь найти решения и компромиссы, чтобы мы могли сделать Думу работоспособной .

Ещё хочу сказать вам, что очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям.

Если по «Единству» для нас было ясно с самого начала, то с «Отечеством» вопрос сложнее. Моё личное и наше общее отношение к Юрию Михайловичу Лужкову всегда было очень уважительным и хорошим.

Но то, что сложилось вокруг «Отечества», та система, которую создали вокруг Юрия Лужкова, оказалась для нас непримиримой. Для нас неприемлемы те, кто входят в этот блок. Мы не можем согласиться с методами, которыми работают губернатор Яковлев, когда он собирает митинги против Верховного Суда.

Мы не можем согласиться с тоталитарными методами, когда затыкают рот и хватают людей на улицах, как это делается в Уфе.

Мы не можем согласиться с тем, когда, очевидно, не обсуждающие это вместе с Лужковым, позволяют себе на улицах Москвы хватать агитаторов и не допускать расклейку чужих материалов.

Мы не согласимся с такими подходами.

Мы не согласимся и с тем, чтобы Евгений Максимович Примаков стал президентом России. Мы уважаем его, но нам непонятен шаг Юрия Михайловича в сторону.

Мы призываем вас дать нам силу, поддержать нас.

Мы хотим исправить ситуацию. Помогите нам это сделать, но так, чтобы Россия от этого только выиграла.

Друзья! «Яблоко» идёт в политику с чистыми руками и надеется на вашу серьёзную поддержку.

Мы обещаем вам, что будем говорить правду, работать честно и чисто, так, как мы это делали всегда и раньше.

В наши ряды входят люди, хорошо вам известные. Это Владимир Лукин и Татьяна Ярыгина, и Вячеслав Игрунов, и Сергей Митрохин, и Артемьев. И много других людей, к каждому из которых применимы слова: «Это умные и честные люди».

Я думаю, что вы не пожалеете, если поддержите нас.

Мы сделали немало. Обвинение в том, что «Яблоко» делает мало – это неправда. Мы шесть лет проработали в Государственной Думе, и никто не имеет такого опыта честной профессиональной работы в государственной Думе, как мы.

Мы хотим объединить всех порядочных, чистых и честных людей в России.

Мы хотим расправить плечи и защитить нашу страну от беззакония и произвола.

Для нас нет ничего важнее, чем жизнь, здоровье и безопасность российских граждан, чем единство нашей страны.

Мы верим в будущее нашей страны.

Мы верим в наших детей, наших внуков.

Мы дорожим нашей историей и культурой.

Я желаю вам, чтобы дети были здоровы.

Г.Явлинский, реализуя стратегию театральности посредством использования тактики информирования, начинает свою речь с формальной констатации факта окончания избирательной кампании: *Дорогие друзья! В России заканчивается, пожалуй, самая тяжёлая, самая неприятная избирательная кампания.* Благодаря использованию приёма ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, говорящий преподносит слушающим своё мнение о том, что избирательная кампания была тяжёлая, неприятная, как факт. Для усиления производимого воздействия привлекается превосходная степень прилагательного, выражающая интенсивную степень признака, названного лексемами с негативной оценочностью: *тяжёлая, неприятная.*

Я решил сегодня сам прийти к вам, чтобы сказать несколько слов.

Используя личное местоимение *Я* при реализации тактики неявной самопрезентации, говорящий позиционирует себя как деятельную, сильную личность. Данный прагматический эффект подкрепляется тем, что в предложении *Я решил сегодня сам прийти к вам* субъект пропозиции равен говорящему, поскольку участник ситуации (партиципant) обозначен соответствующим ему канонически оформленным актантом. Партиципant выполняет в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой (им.п., ед.ч). Таким образом на прагматическом уровне создаётся эффект яркой, сильной личности.

Далее в предложении *Мы с вами хорошо знаем основные проблемы, которые нужно решать в Государственной Думе* говорящий, формально переходя к реализации тактики кооперации, демонстрируя единение со слушателями, на самом деле актуализирует стратегию на понижение посредством использования тактики анализ-«минус». Происходит это следующим образом: используя приём Мы-инклюзивное и подкрепляя это лексическими средствами (*мы с вами*), репрезентирующими идею совместности, говорящий, вводя слушающего в свою личную зону, акцентирует его внимание на идее общности, параллельно (через приём «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию») навязывая мысль о том, что *у нас есть проблемы*.

В следующем предложении *Об этом говорили буквально все* для называния субъекта действия использовано местоимение, указывающее на неопределённый референт, что даёт возможность говорящему уйти от конкретной номинации. Но тогда, когда говорящему выгодно актуализировать внимание адресата-наблюдателя, он называет реалии, которые для обычного человека имеют особую значимость: *Это и зарплата, и пенсии.*

Следующее высказывание *Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность* очень интересно как яркая иллюстрация особенностей дискурса Явлинского. Формально есть субъект действия, использовано двусоставное предложение с прямой дитезой, но тогда, когда требуется назвать конкретных исполнителей, дискурс, отображающий ментальность говорящего, навязывает ему использование номинализации, при которой, как известно, происходит свёртывание пропозиции, передаётся отвлечённость представления о процессе самом по себе, вне связи с производителем процесса. Говорящий не называет конкретных деятелей, тех, кто реально будет укреплять государство. В результате активно создаваемый образ деятельной, сильной личности начинает разрушаться.

Этот процесс продолжается далее, несмотря на то, что теперь говорящим используется тактика обещания. При анализе следующего высказывания *И «Яблоко» сделает всё для того, чтобы эти задачи были решены* можно установить, что субъект в предложении *чтобы эти задачи были решены* отсутствует, есть только называющее объект подлежащее, представленное фактитивом, т.е. партиципантом, возникшим, прекратившим существовать или подвергшимся изменению. Предикат же выражен краткой формой страдательного причастия. Благодаря этому усиливается прагматический эффект снятия говорящим с себя ответственности.

Используя тактику презентации, удерживая внимание адресата-наблюдателя использованием лексем, обозначающих качества, положительно оцениваемые социумом, в предложении *Вы знаете, что в нашей партии много талантливых, умных, чистых и честных людей* говорящий указывает на очередную проблему, актуализируя тактику прогнозирования: *но сегодня нас беспокоит больше всего то, что может сделать Думу буквально парализованной*.

Политик обосновывает свой прогноз следующим образом: *Все мы наблюдали с вами, как в течение этой кампании произошла схватка двух партий, сформированных властью*. Наблюдаемое использование личных местоимений в выражениях *Сегодня нас беспокоит...* и *Все мы наблюдали с вами...* способствует осуществлению манипулирования: в первом случае представлено Мы-эксклюзивное, под которым понимается партия «Яблоко», представителем коей является говорящий. А затем, употребляя Мы-инклюзивное в выражении *В се мы с вами*, говорящий присоединяет себя и тех, от лица которых он выступает, к слушающим. Иллюзия включённости усиливается благодаря использованию местоимений *все*, *мы с вами*, содержащих в своих лексических значениях компонент общности, а используя глагол *наблюдали*, говорящий тем самым исключает себя и свою партию, а также слушателей из участия в этой схватке. Такое навязываемое аудитории говорящим объединение себя со слушателями позволяет ему скрыто внушить своему адресату мысль о том, что благодаря этой включённости все они вместе (он сам, созданная им партия и имеющаяся в данный момент аудитория) тем самым исключаются из числа оставшихся, т.е. тех, кто жаждет власти и пытается получить её любыми способами.

Кроме того, используя метафору *парализованная Дума*, говорящий навязывает слушающему своё виденье мира, побуждает адресата речи воспринимать окружающую действительность негативно. Поскольку данная метафора построена на сходстве ассоциаций, возникает образ существующего, но бездействующего, не способного что-либо реализовать органа власти – Государственной Думы. Представляя Думу больной, *парализованной*, автор апеллирует к чувствам и эмоциям адресата, создавая в его сознании параллельную связь с его собственным организмом, тем самым производя наложение проблем общества на личные проблемы слушателя.

Далее, произнося *произошла схватка двух партий, сформированных властью*, политик для реализации тактики обвинения использует приём речевой имплицатуры, инкриминируя существующей власти вину в произошедшем: имплицирована мысль *'власть спровоцировала схватку'*.

В следующем предложении *Одна из них «Единство», её придумала администрация президента* партия «Единство» представлена говорящим не как субъект действия, а как объект,

на семантическом уровне представленный фактитивом, т.е. партиципантом, обозначающим предмет, возникший, прекративший своё существование или подвергшийся изменению под влиянием каких-либо сил. Таким образом говорящий внушает слушающим мысль о зависимом положении людей, входящих в эту партию, об их неспособности действовать самостоятельно. Эта мысль подкреплена использованием глагола *придумать*, содержащим в своём лексическом значении сему 'ненастоящести', 'фантомности'.

В предложении *Другая – «Отечество – Вся Россия», основу этого блока составляют региональные руководители, губернаторы* говорящий снова имплицитно выражает мысль о том, в избирательной кампании участвовали только партии власти. В результате: *Схватка оказалась просто смертельной.*

В предложении *Мы не обсуждали на этих выборах ни программы, ни задачи, ни цели, ни подходы к решению насущных проблем* благодаря ассерции, маскирующейся под пресуппозицию 'у нас имеются насущные проблемы', имплицитно выражена мысль, что именно эти проблемы Дума должна была решать в первую очередь. Но *Драка шла совсем в другом направлении*. Говорящий употребляет прагмемы *схватка* и *драка*, используя их как синонимы, с одной стороны, и фактически противопоставляя благодаря игре на оттенках значения, с другой:

Ср. Драка – 'взаимные побои, вызванные ссорой, скандалом'.

Схватка – 'столкновение в бою, в борьбе'.

Лексема *драка* вносит оттенок бытового, сниженного. Используя после двойного употребления лексемы *схватка* лексему *драка*, говорящий разрушает созданный им образ великого столкновения двух сил, даёт сниженную характеристику анализируемой ситуации, выражая тем самым своё негативное отношение к происходящему.

Кроме того, схватка охарактеризована говорящим как *смертельная*, т.е. использована лексема (*Смертельный – 'такой, который может или должен привести к смерти, к гибели'*), обозначающая качество, негативно оцениваемое социумом.

При реализации тактики предупреждения в высказывании *Если эти две партии займут в Думе решающие позиции, парализация продолжится* через использование приёма «ассерция, замаскированная под пресуппозицию», слушающим внушается мысль: то, что говорящий называет парализацией, уже существует. В этом же контексте имплицитно выражается 'парализация продолжится при условии прихода к власти «Единства» и «ОВР», только борющихся за власть и не собирающихся решать насущные проблемы'.

Эффект, производимый использованием тактики предупреждения, усиливается, поскольку далее политик переходит к тактике прогнозирования. Но под видом политического прогнозирования говорящим осуществлена попытка программирования сознания слушающих (с положительным именно для данного политика результатом): *Дума окажется неспособной принимать самые важные, самые неотложные решения*. Используя глаголы совершенного вида, говорящий тем самым имплицитно выражает мысль, что действия, названные глаголами *занять*, *продолжиться*, *оказаться*, обязательно произойдут, так как семантика совершенного вида свидетельствует о достигнутом положительном результате. Поскольку при реализации тактики прогнозирования адресант должен опираться на факты, сведения, Г.Явлинский высказывает своё мнение, репрезентируя его в виде факта: *Перетягивание каната остаётся главной политической задачей*. Под тем, что названо идиомой *перетягивание каната*, подразумевается борьба за власть, с помощью приёма «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию» имплицитно выражена мысль, что эта борьба была и остаётся главной задачей «Единства» и «ОВР».

«Яблоко» нуждается в вашей поддержке.

В данной фразе происходит объединение двух смыслов: с одной стороны, это завершение той части предвыборного выступления, в которой характеризовалась существующая на момент произнесения речи политическая ситуация, с другой стороны, – репрезентация того,

ради чего, собственно, и произносилось всё предыдущее, интенция просьбы о помощи явлена эксплицитно (использованы лексемы *нуждаться*, *поддержка*), говорящий актуализирует тактику побуждения.

Для этого, опираясь на оппозицию «свой» ↔ «чужие», политик отделяет свою партию от адресата-наблюдателя, применяя один из маркеров чуждости – местоимение «*ваш*». Сейчас такое разделение необходимо политику, поскольку в начале выступления он объединил себя, свою партию и адресата-наблюдателя (см. анализ высказывания *В се мы наблюдали с вами, как ...*), тогда это ему было нужно, чтобы привлечь внимание аудитории, чтобы позиционировать своё неучастие в *схватке*, чтобы утвердить в сознании адресата мысль «*я – один из вас, следовательно, такой же, как вы*». Сейчас же он просит о помощи, а помощь может оказать только тот, кто не является частью тебя самого, третье лицо, поскольку в значении слова *помощь* есть компонент смысла «*извне, со стороны*».

Мы никогда не просим наших избирателей за нас голосовать. Но сегодня нам нужен перевес.

Вследствие того что в значении слова «помощь» помимо описанного выше компонента «*извне, со стороны*» есть ещё один не очень выгодный сейчас говорящему компонент «*не-самостоятельность, неспособность самому решить проблему*», политик вынужден оправдываться: *Мы никогда не просим ... Но важность момента заставляет его настаивать на просьбе о поддержке, для чего он использует антитезу (никогда – сегодня). Противопоставляя то, что названо словом никогда (ЛЗ: «ни в какое время, ни при каких обстоятельствах»), имеющим сему всеохватности, тому, что обозначено лексемой сегодня (ЛЗ: «в настоящее время, теперь») с инкорпорированной семой точечного указания на временной отрезок, говорящий актуализирует в сознании адресата идею об особой важности анализируемой им ситуации.*

*Он необходим нам уже для того, чтобы мы могли сбалансировать то, что сейчас может сложиться в Государственной Думе, чтобы мы могли **помочь** найти решения и компромиссы, чтобы мы могли сделать Думу работоспособной.*

В данном высказывании говорящий реализует тактику прогнозирования, используя глаголы совершенного вида, семантика которого позволяет имплицитировать мысль о возможности достичь положительного результата. Поэтому благодаря использованию данной тактики говорящий может под видом политического прогнозирования программировать сознание адресата-наблюдателя (с положительным для политика исходом дела). В этом высказывании прогнозируется нежелательная как для говорящего, так и для слушающего ситуация, требующая вмешательства говорящего субъекта (путём «*сбалансирования*»). Прогнозируя такую ситуацию, политик провоцирует аудиторию на совершение того, что бы позволило говорящему в том самом прогнозируемом будущем иметь возможность вмешаться в эту ситуацию. Прогнозируя, он уже сейчас создаёт определённое ментальное пространство в сознании слушающих, закладывая через использование пресуппозиций мысль о том, что в *неработоспособной Думе* обязательно сложится ситуация, требующая поиска *решения и компромиссов*. Но главное: имплицитируется мысль, что только говорящий и его партия смогут *помочь* найти достойное решение.

Если актуализировать другой аспект данной имплицитатуры, то обнаруживается идея, которую можно было бы оформить следующим образом: «*мы не сами будем искать, мы будем только помогать*». В результате у исследователя появляется возможность выявить очень важную особенность ментальности Г.Явлинского: имплицитированная мысль о том, что «Яблоко» не берёт на себя ответственность в принятии решений, свидетельствует об устранении политика от реальной деятельности, следовательно, и о свойственном ему уклонении от ответственности.

Выбор Г.Явлинским формы следующего высказывания (для репрезентации тактики размежевания) является подтверждением сделанного нами в предыдущем абзаце вывода о такой особенности ментальности этого политика, как уклонение от ответственности: *Ещё хочу сказать вам, что очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции*

по этим двум партиям. В предложении очень сложным для нас являлся вопрос в отношении нашей позиции по этим двум партиям говорящий осуществляет деагентивацию, переводит действие в неагентивный процесс. Агентивность предполагает контроль ситуации со стороны агенса, принадлежность ему решающего вклада в действие, но в данном предложении реализована косвенная диатеза: позицию подлежащего занимает не субъект действия, а объект. Именно объект выдвинут говорящим на роль главного в логическом плане. Произошло это благодаря тому, что объект маркирован формой именительного падежа. Акцентируя внимание на объекте, говорящий перемещает Агенса на Периферию диатезы, выводя его тем самым из центра внимания. Более того, выдвинутый нами тезис о специфике ментальности данного политика подтверждается тем, какой номинации отдаёт предпочтение Г.Явлинский для обозначения субъекта. Это не местоимение 1 лица единственного числа «Я», а местоимение «МЫ», более референтно неопределённое.

Произнося *Е сли по «Единству» для нас было ясно с самого начала, то с «Отечеством» вопрос сложнее*, говорящий продолжает репрезентацию тактики размежевания: он эксплицирует своё негативное отношение к партии «Единство» посредством использования одного из вариантов (*по «Единству» для нас было ясно с самого начала*) универсального высказывания *и так всё ясно*, в результате чего слушающий выявляет импликацию *‘ от «Единства» ничего хорошего и не ожидалось ’*.

Произнося *Моё личное и наше общее отношение к Юрию Михайловичу Лужкову...*, говорящий позиционирует себя как самостоятельную политическую фигуру (*моё личное отношение*). Далее, проговаривая *вначале было очень уважительным и хорошим*, он имплицитно мыслит о том, что *‘ сейчас отношение неуважительное и плохое ’*.

В высказывании *Но то, что сложилось вокруг «Отечества», та система, которую создали вокруг Юрия Лужкова, ...* в результате и спользования адресантом неопределённо-личного предложения, в котором субъект формально не выражен, а предикат репрезентирован личной формой глагола **V fpl 3**, Юрий Лужков представлен говорящим в качестве объекта, испытывающего на себе чьё-либо воздействие, тем самым ему отказано в самостоятельности при принятии решений. Эта идея поддерживается использованием ассерции, маскирующейся под пресуппозицию: *вокруг Лужкова создана некая система, которая оказалась для нас непримиримой*. Следует констатировать нарушение говорящим грамматических (норм управления) и, как следствие, нарушение лексических (лексической сочетаемости) норм. Это можно объяснить наложением друг на друга двух когнитивных структур, которые должны были репрезентироваться следующим образом: *эта система для нас неприемлема и мы с этим не примиримся*. Пассивная конструкция возобладала, дискурс (являющийся репрезентацией ментальности) навязал говорящему эту конструкцию, а значит, проявил себя как нечто управляющее человеком: *Для нас неприемлемы те, кто входят в этот блок*.

Далее политик обосновывает свой тезис: *Мы не можем согласиться с методами, которыми работают губернатор Яковлев, когда он собирает митинги против Верховного Суда*.

И снова допущена весьма показательная речевая ошибка (рассогласованность между главными членами в первой придаточной части): дискурс навязывал говорящему безагенсную конструкцию (что и реализовано в последующих предложениях), уже в процессе речи говорящий, активизировав рациональные структуры сознания, смог противостоять навязыванию и назвать субъекта действия – *губернатор Яковлев*.

В следующей придаточной части (... *когда затыкают рот и хватают людей на улицах, как это делается в Уфе*) говорящим вновь осуществлён уход от конкретики, благодаря тому, что предикат представлен формой глагола **V fpl 3**, субъект формально не выражен, безагенсность, кроме того, подтверждается использованием глагола *делать* в страдательном залоге.

Кроме того, в этом высказывании *Мы не можем согласиться с тоталитарными методами, когда затыкают рот и хватают людей на улицах, как это делается в Уфе* благодаря

ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, имплицирована мысль о том, что в Уфе используются тоталитарные методы. Известно, что губернатор Башкирии, чьей столицей является Уфа, – член партии «Отечество – вся Россия», следовательно, адресант, апеллируя к имеющемуся у слушателей знанию этого факта, обвиняет ОВР в применении тоталитарных методов.

Более осторожен Г.Явлинский в следующем высказывании: *Мы не можем согласиться с тем, когда, очевидно, не обсуждающие это вместе с Лужковым, позволяют себе на улицах Москвы хватать агитаторов и не допускать расклейку чужих материалов*), поскольку, проводя параллель между тем, что происходит в Уфе, и тем, что делается в Москве, говорящий смягчает данное обвинение, снимая с Ю.Лужкова ответственность, произнося: *очевидно, не обсуждающие это вместе с Лужковым*. В результате можно констатировать, что в ментальном пространстве говорящего Ю.Лужков позиционирован как человек не самостоятельный, вынужденный подчиняться чьей-то воле.

Размежевание, осуществляемое политиком, касается не только настоящего, оно распространяется и на будущее благодаря использованию глагола совершенного вида (семантика которого свидетельствует о возможности достижения положительного результата) в форме будущего времени: *Мы не согласимся с такими подходами*.

Решительность в осуществлении высказанного намерения поддерживается использованием анафоры: *Мы не согласимся и с тем, чтобы Евгений Максимович Примаков стал президентом России. Мы уважаем его, но нам непонятен шаг Юрия Михайловича в сторону*.

Благодаря использованию метафоры *шаг в сторону* имплицирована мысль, что объединение Ю.М.Лужкова и Е.М.Примакова – это уход в сторону от пути к достижению общих когда-то целей, объединявших членов партии «Яблоко» и Ю.М.Лужкова.

Выявив с помощью тактики размежевания существующие различия между вышеназванными партиями, выразив к этому своё отношение, говорящий актуализирует тактику побуждения: *Мы призываем вас дать нам силу, поддержать нас*. Иллокутивная функция, сводящаяся к идее побуждения, эксплицирована в данном высказывании через использование перформативного глагола *призываем*. Использование перформативных глаголов отличается от использования остальных глаголов тем, что при перформативном контексте высказывание служит не для описания действия, а является осуществлением того самого действия, которое обозначается этим глаголом. Такой контекст – «самоверифицирующееся высказывание, то есть высказывание, истинное в силу факта своего произнесения» [2: 137]. Благодаря использованию перформативного глагола в контекст вносится факт неоспоримости. Истинность, свойственная перформативу, переносится на контекстуальное окружение. Поэтому адресат имеет основания считать всё произносимое говорящим, истинным. В результате в качестве неоспоримого факта будет воспринята и следующая мысль, оформленная предложением *Мы хотим исправить ситуацию*. Через использование приёма ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию, имплицирована мысль *'ситуация нуждается в исправлении'*. Несмотря на то что указанный приём уже в силу своей природы максимально завуалирован, поскольку осуществляется на семантическом уровне, на контекст, в который он введён, ещё и распространяется фактор неоспоримости, внесённый использованием перформатива. Тем самым говорящим снимается любая попытка рационального осмысления фактов действительности со стороны слушающего.

Далее говорящий вновь применяет тактику побуждения, произнося: *Помогите нам это сделать, но так, чтобы Россия от этого только выиграла*. В данном предложении вновь актуализируемая иллокутивная функция побуждения эксплицирована теперь уже не перформативом, а глаголом в форме императива. Функциональные значения императива также являются одним из воздействующих компонентов политического текста. С помощью императива говорящий побуждает адресата-наблюдателя помочь ему сделать нечто, обозначенное словом *это* (из контекста нельзя извлечь пояснения по поводу референта), но сделать это предлагает таким образом, чтобы в итоге выгоду получила третья сторона (*Рос-*

сия). В результате использования метафоры игры, а также благодаря специфичной номинации (метонимический перенос позволяет конкретно-референтным именем назвать множественную сущность, а значит, неопределённого референта), снимается вопрос о личной заинтересованности говорящего в получении выгоды при выполнении требования.

Друзья! Избираемый вокатив призван показать большую степень близости к адресату (ср. *Избиратели!*), подчеркнуть равенство говорящего и слушающего в статусном отношении.

«Яблоко» идёт в политику с чистыми руками и надеется на вашу серьёзную поддержку.

Смена перволичной глагольной формы формой 3 лица свидетельствует о желании политика быть объективным: адресант говорит не от своего имени и не от имени членов партии, которую он возглавляет, а репрезентирует взгляд со стороны, представляющийся, следовательно, более объективным. Объективность в качестве характеристики его речи сейчас необходима говорящему, поскольку он должен создать условия, необходимые для реализации тактики обещания, поэтому ему нужно, чтобы люди поверили. Актуализированная говорящим тактика обещания репрезентируется максимально эксплицитно: *Мы обещаем вам, что будем говорить правду, работать честно и чисто, так, как мы это делали всегда и раньше.*

Тактика обещания поддерживается использованием тактики самопрезентации, реализующейся как посредством актуализации лексем, обозначающих качества, положительно оцениваемые социумом (*честно, чисто*), так и посредством использования имплицатуры, которая извлекается из сравнительного оборота *‘на нас можно надеяться, мы никогда не подводили’*. Поданная имплицитно мысль поддерживается и эксплицитно – путём отсылки к авторитету, существующему в обществе у людей, чьи имена перечислены говорящим: *В наши ряды входят люди, хорошо вам известные. Это Владимир Лукин и Татьяна Ярыгина, и Вячеслав Игрунов, и Сергей Митрохин, и Артемьев.* В следующем высказывании воздействие, осуществляемое логическим путём, сменяется манипулятивным: *И много других людей, к каждому из которых применимы слова: «Это умные и честные люди».* В данном высказывании говорящий использует приём (суть которого сформулирована Т.М.Николаевой в [1: 157]) «неопределённость, нереперентность при назывании деятеля», а затем применяет псевдологическую аргументацию: *Я думаю, что вы не пожалеете, если поддержите нас. Мы сделали немало.* Говорящий не приводит точных данных о том, что было сделано его партией, вместо этого использует лексему *немало* (*‘довольно много, порядочно’*), продуцируя тем самым неопределённость не только субъекта действия (использованную неоднократно в течение этого выступления), но и результата действия. Тактика самопрезентации, таким образом, переходит в тактику самооправдания, максимально полно реализуемую в следующем высказывании: *Обвинение в том, что «Яблоко» делает мало – это неправда.* Говорящий оправдывается, но, как это ни парадоксально, оправдывается в ответ на собственную, высказанную имплицитно мысль *‘существуют обвинения, что у «Яблока» мала результативность’*, в результате чего можно сделать вывод, что это очень важно для говорящего, поскольку даже в ситуации, требующей реализации тактики побуждения или самопрезентации, человек сбивается на тактику самооправдания. Затем, мобилизовавшись, политик всё-таки реализует тактику самопрезентации: *Мы шесть лет работали в Государственной Думе, и никто не имеет такого опыта честной профессиональной работы в Государственной Думе, как мы,* используя для этого излюбленный приём (ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию) и имплицитно мысль *‘мы честно и профессионально работали в Государственной Думе’*.

В заключительной части своего предвыборного выступления Г.Явлинский использует идеологически нейтральные высказывания, иначе возникает опасность провоцирования у определённой части аудитории критического отношения к эксплицитной говорящим политической позиции, что, в свою очередь, приведёт к сокращению числа сторонников. По-

этому политик вынужден апеллировать к базовым для любого члена общества ценностям: *жизнь, здоровье, будущее, дети и внуки*. Для этого говорящий избирает особую форму – достаточно однотипные синтаксические конструкции, экспликация которых основывается на использовании приёмов анафоры и синтаксического параллелизма:

Мы хотим объединить всех порядочных, чистых и честных людей в России. Мы хотим расправить плечи и защитит нашу страну от беззакония и произвола.

или

Мы верим в будущее нашей страны.

Мы верим в наших детей, наших внуков.

Конструкциям подобного рода свойственна лозунговость, являющаяся специфической чертой жанра агитационной речи. Основной функцией указанных синтаксических конструкций, как представляется, является достижение определённого суггестивного эффекта.

Кроме того, следует отметить использование говорящим в высказывании *Мы хотим объединить всех порядочных, чистых и честных людей в России* таких лексических единиц, которые обозначают реалии, положительно оцениваемые социумом: *порядочный, чистый, честный*.

В высказывании *Мы хотим расправить плечи и защитит нашу страну от беззакония и произвола* политик использует антропоморфную модель, благодаря которой образ партии Г.Явлинского в сознании слушателя репрезентирован как образ сильного, свободного человека. По утверждению А.П.Чудинова, политическая метафора, связанная с обозначением частей тела человека, характеризует обычно роль названного метафорически объекта, в данном случае – партии «Яблоко». В языковой картине мира русского человека с функциями названной говорящим части тела (плечи) связано представление о возможностях человека (ср. *ему это по плечу*), о добровольном взятии на себя каких-либо обязанностей (ср. *взвалить на плечи*), о способности выдержать их тяжесть (ср. *вынести на своих плечах*). Поэтому, когда Г.Явлинский использует метафору «*мы хотим расправить плечи*», в сознании слушающих не только актуализируются все описанные выше ассоциации, но и появляется новая – ассоциация с сильным, отважным человеком, который, исполнив тяжёлую работу (*свалив её с плеч*), теперь получает возможность освободиться от всего, сдерживающего его ранее, выпрямить плечи, вдохнуть полной грудью, стать свободным человеком.

Но поскольку с помощью ассерции, маскирующейся под пресуппозицию, говорящий в выражении *защитит нашу страну от беззакония и произвола* ещё и имплицитно мыслит, что «*в стране беззаконие и произвол*», слушающему навязывается такое понимание: свободные, вынесшие уже многие трудности члены партии «Яблоко» готовы бороться с царящим в стране беззаконием и произволом.

Далее в высказывании *Для нас нет ничего важнее, чем жизнь, здоровье и безопасность российских граждан, чем единство нашей страны* посредством использования тактики информирования говорящим постулируются в качестве самых важных те ценности, которые имеют наивысшую значимость для человека (*жизнь, здоровье, безопасность*), благодаря чему на акцентируемую в заключительной части текста выступления идею общности («*будущее нашей страны*», «*наши дети и внуки*», «*наша история и культура*») накладывается мысль о значительности, важности всего того, о чём идёт речь.

Таким образом, проведённый анализ текста предвыборного выступления политика позволил доказать, что политический дискурс как специфическая разновидность дискурса обладает набором системообразующих признаков, которые определяют его природу и обуславливают его манипулятивный потенциал.

Борьба за власть (цель политического дискурса), происходящая между активными политическими субъектами (Sb -1, Sb -2) и разворачивающаяся на глазах многомиллионной аудитории (Sb -3), которую каждый говорящий стремится привлечь на свою сторону, предопределяет выбор участниками коммуникации стратегии речевого поведения и создает предпосылки для реализации манипулятивной функции.

Использование той или иной стратегии зависит от иллокутивного намерения говорящего: выбор стратегии на повышение или понижение обусловлен стремлением максимально увеличить значимость собственного статуса или максимально уменьшить статус политического противника. Для привлечения сторонников говорящий использует богатый репертуар тактик, обслуживающих стратегию театральности.

Г.Явлинский весьма явно демонстрирует интенцию борьбы за власть, эксплицируя желание захватить, а затем и удержать власть. См., в частности, прямое обращение политика к аудитории: *Мы призываем вас дать нам силу, поддержать нас; Мы никогда не просим наших избирателей за нас голосовать. Но сегодня нам **нужен** перевес; Мы хотим исправить ситуацию. Помогите нам это сделать.*

Данное обстоятельство (интенция борьбы за власть) обуславливает наличие агональности, также структурирующей анализируемый текст и проявляющейся через избираемый способ общения (осуществляемый говорящим выбор стратегий и тактик).

О принадлежности анализируемого текста к политическому дискурсу свидетельствует также специфический набор коммуникативных ролей, свойственных участникам именно этого вида дискурса. Анализируемый текст предполагает (помимо говорящего, являющегося основным субъектом дискурса) существование второго субъекта («соперника»), а также – наличие адресата-наблюдателя, т.е. третьего субъекта политического дискурса, того, чье внимание добивается политик. Как следствие, основной, ведущей стратегией проанализированного текста является стратегия театральности, т.е. тот способ общения, который предполагает наличие наблюдателя.

Реконструирование ментальных структур, организующих данный вид дискурса, осуществлено посредством дискурс-анализа, благодаря которому выявляется также использование говорящим манипулятивных приёмов. Благодаря дискурс-анализу подтверждается тезис о влиянии ментальных структур, организующих дискурс, на осуществляемый говорящим выбор языковых средств.

Таким образом, с помощью анализа, приведённого в данной статье, можно доказать, что отбор языковых средств в политическом дискурсе отражает ментальные установки говорящего и реализует функцию контроля как над ними, так и над поведением слушающих.

Тестовые задания

1. Языковедческая традиция насчитывает около: 1. 3000 лет.
2. 1000 л. 3. 500 л. 4. 100 л.
2. Самыми древними литературными памятниками являются:
1. Древнегреческие мифы. 2. Индийские Веды. 3. Пословицы и поговорки. 4. «Слово о полку Игореве».
3. В мифологии древних греков создателем языка выступает:
1. Бог Зевс. 2. Цицерон. 3. Бог Гермес. 4. Сократ.
4. «Фюсей» и «Тесей» как научные школы представляют гипотезы о происхождении языка: 1. Античные. 2. Современные.
3. Древнеиндийские. 4. Древнекитайские.
5. Наука о правильном мышлении в его языковой форме есть:
1. Грамматика. 2. Риторика. 3. Логика. 4. Лингвистика.
6. Основателем теории происхождения языка из жестов является: 1. А. Потемкин. 2. А. Шлейхер. 3. В. Лейбниц. 4. В. Вундт.
7. Ж.Руссо, Э.Кондильяк, А.Смит являются сторонниками следующей теории происхождения языка: 1. Междоуметной.
2. Жестовой. 3. Общественного договора. 4. Логосической.
8. Разграничение понятий «язык», «речь», «речевая деятельность» впервые наиболее четко провел: 1. Панини.

2. А. Потебня. 3. Ф. де Соссюр. 4. В. Вундт.
9. Как называлась грамматика Панини? 1. «Восьмикнижие». 2. «Слово». 3. «Рациональная грамматика. 4. «Поэтика».
10. А. Самофракийский и Д. Фракийский являются представителями: 1. Древнеримского языкознания. 2. Александрийской школы. 3. Эпохи Возрождения. 4. Древнеиндийского языкознания.
11. Кто является составителем первого арабского словаря «Книга Айна»? 1. Сибавейхи. 2. Фирузабади. 3. Халиль ибн Ахмед.
12. Махмуд аль Кашгари (11 в.) издал многотомный труд: 1. «Камус». 2. «Разлив волн». 3. Диван лугат ат-тюрк». 4. «Аль-китаб».
13. Знаменитая грамматика Мелетия Смотрицкого вышла в году: 1. 1562-м. 2. 1596-м. 3. 1574-м. 4. 1619-м.
14. Авторами «Всеобщей рациональной грамматики...» являются: 1. А. Арно и К. Лансло. 2. Р. Декарт. 3. Ф. Бэкон. 4. В. Лейбниц.
15. Авторами слов, произнесенными в 1784 году о том, что «санскритский язык при всей своей древности обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих...», является: 1. М.В. Ломоносов. 2. Вильям Джонс. 3. Йосиф Добровский. 4. Фридрих Шлегель.
16. Автор четырехтомной «Немецкой грамматики» (1819-1837): 1. Ф. Бопп. 2. Рамус Раск. 3. Якоб Гримм.
17. Один из основателей сравнительно-исторического языкознания (на материале славянских языков): 1. Ф. Шлегель. 2. А.Х. Востоков. 3. А.А. Потебня. 4. А. Шлейхер.
18. «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» – эти слова принадлежат: 1. А. Шлейхеру. 2. Я. Гримму. 3. В. фон Гумбольдту. 4. Ф. Шиллеру.
19. Противоречия между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается доказуемым: 1. Антиномии. 2. Антитезы. 3. Алогизмы.
20. Натурализм в языкознании в первую очередь связан с именем: 1. В. фон Гумбольдта. 2. Августа Шлейхера. 3. К. Фосслера. 4. А. Потебни.
21. Г.Штейнталь и А. Потебня явились основателями следующего направления в языкознании: 1. Логическое. 2. Психологическое. 3. Социальное.
22. Крупнейшим представителем логического направления в русском языкознании является: 1. А.А. Потебня. 2. И.А. Бодуэн де Куртенэ. 4. А.Х. Востоков. 4. Ф.И. Буслаев.
23. «Энциклопедией младограмматизма» называют: 1. «Принципы истории языка» Г. Пауля. 2. «Граматику древнеболгарского языка» А. Лескина. 3. «Основы сравнительной грамматики индогерманских языков» Б. Дельбрюка.
26. Возникновение типологического языкознания (19 век) связано с именами: 1. Братьев Ф. и В. Шлегелей. 2. Г. Пауля и А. Лескина. 3. А. Арно и К. Лансло.
27. В языках какого типа флексия является устойчивым и существенным признаком морфологической структуры языка: 1. Аморфных (изолирующих). 2. Инкорпорирующих. 3. Агглютинативных. 4. Флективных.

28. Термин «структурализм» в лингвистике был употреблен в статье голландского лингвиста Х. Поса в году: 1. 1867-м. 2. 1916-м. 3. 1939-м. 4. 1967-м.
29. Основателем Пражского лингвистического кружка (1926 г.) является: 1. В. Матезиус. 2. Н. Трубецкой. 3. Э. Сепир. 4. Л. Блумфильдт.
30. Одно из направлений структурализма в языкознании, кото-рое рассматривает целое (язык) как состоящее не из вещей (элементов), а из отношений, «функций»: 1. Амери-канский структурализм (дескриптивная лингвистика). 2. Пражский (Н. Трубецкой). 3. Датский (Л. Ельмслев).
31. Чарльз Пирс (1839-1914) явился одним из основателей: 1. Диалектологии. 2. Семиотики. 3. Психолингвистики. 4. Стилистики.
32. Ученый, заложивший основы теории речевых актов: 1. Дж. Остин. 2. Ч. Пирс. 3. Л. Ель-мслев. 4. А. Потенбня.
33. Основным признаком иллокутивного акта (в теории речевых актов) является: 1. Коли-чество. 2. Цель. 3. Время. 4. Место.
34. Новое направление в лингвистике, которое характеризуется не столько введением в ис-следовательский обиход нового инстру-ментария, сколько методологическим измене-нием познава-тельных установок (эвристик): 1. Формальное. 2. Когнитивное. 3. Социальное. 4. Сравнительно-историческое.
35. Эмиль Бенвенист и Зелиг Харрис стали основателями уче-ния: 1. О тексте и дискурсе. 2. О новых стилях языка и речи. 3. О стадийном развитии языка.
36. Лексикография есть раздел языкознания: 1. Теоретического. 2. Общего. 3. Прикладного.
37. Способ выражения грамматического значения, заключаю-щийся в полном или частич-ном удвоении основы: 1. Флексия. 2. Редупликация. 3. Ударение. 4. Супплетивизм.
38. В паре *хорошо-лучше* грамматические формы представляют собой пример способа: 1. Супплетивизма. 2. Редупликации. 3. Интонации. 4. Внутренней флексии.
39. Противопоставление групп словоформ, объединенных об-щностью грамматического значения, есть грамматическая: 1. Категория. 2. Форма. 3. Парадигма. 4. Словоформа.
40. Минимальная значимая единица языка: 1. Слово. 2. Морф. 3. Морфема. 4. Фонема.
41. Грамматическое видоизменение одной и той же лексемы: 1. Слово. 2. Словоформа. 3. Сема. 4. Семема.
3. Раздел языкознания, относящийся к теории и практике со-ставления словарей: 1. Фразеология. 2. Орфография. Орфоэпия. 4. Лексикография.
43. Слово, обозначающее определенное научное понятие какой-либо области знания: 1. Категория. 2. Тер-мин. 3. Экзотизм. 4. Варваризм.
44. Разновидность языка, которая имеет свою сферу употребе-ния: 1. Жанр. 2. Стилль. 3. Речь.
45. *Идиома* является синонимом слова: 1. Фразеология. 2. Фразеологическое сочетание. 3. Фразеологическое сраще-ние.

46. Основная социальная функция языка: 1. Мыслефор-мирующая. 2. Номинативная. 3. Коммуникативная. 4. Эстетическая.
47. Общей теорией звука занимается раздел физики: 1. Фонетика. 2. Акустика. 3. Динамика. 4. Фонология.
48. Набор постоянных фонологических признаков фонем называется: 1. Дифференциальным. 2. Различительным. 3. Конститутивным. 4. Интегральным.
49. Уподобление гласных аффиксов гласному корню: 1. Сингармонизм. 2. Лабиализация. 3. Редукция. 4. Апокопия.
50. Набор акцентных и мелодических характеристик речи: 1. Ассимиляция. 2. Диссимиляция. 3. Просодия. 4. Ударение.
51. Минимальная языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков и служащая для складывания и различения слов и морфем: 1. Морф. 2. Морфема. 3. Слово. 4. Фонема.
52. Совпадение двух или нескольких фонем в определенной позиции в одном звуке: 1. Нейтрализация. 2. Гиперфонема. 3. Дифференциация. 4. Оппозиция.
53. Специальный раздел лексикологии, в котором изучаются значения слов и причины изменения значений: 1. Лексика. 2. Семасиология. 3. Этимология. 4. Фразеология.
54. Слово и словоформа, фонемы с аллофонами состоят между собой в отношениях: 1. Парадигматических. 2. Синтагматических. 3. Линейных. 4. Горизонтальных.
55. Образы реальных или воображаемых предметов или явлений, воплощенные в словесную форму: 1. Слова. 2. Денотаты. 3. Сигнификаты. 4. Лексемы.
56. Возможность слова иметь несколько значений: 1. Полисемия. 2. Антонимия. 3. Синонимия.
57. «Подписать бумагу» – есть пример на: 1. Метафору. 2. Метонимию. 3. Гиперболу. 4. Синекдоху.
58. Запрет, налагаемый на определенные действия, предметы и слова: 1. Эвфемизм. 2. Жаргон. 3. Арго. 4. Табу.
59. *Грипп-гриб* – это: 1. Омоформы. 2. Омофоны. 3. Омографы.
60. *Есть-вкушать* – пример синонимов: 1. Семантических. 2. Абсолютных. 3. Стилистических.
61. Примером градуальной антонимии является пара: 1. *Живой-мертвый*. 2. *Большой-малый*. 3. *Истинный-ложный*. 4. *Холостой-женатый*.
62. Слово, включающее в себя семантику другого слова: 1. Гипоним. 2. Гипероним. 3. Синоним. 4. Антоним.
63. Многозначным не является термин: 1. Континуум. 2. Ассимиляция. 3. Морфология. 4. Тангенс.
64. *Нрав, жребий, пещера* – слова: 1. Грецизмы. 2. Латинизмы. 3. Старославянизмы. 4. Тюркизмы.
65. Примером неосвоенных заимствований является слово: 1. Чакчак. 2. Лапша. 3. Желе. 4. Ад.

66. Устойчивые сочетания слов, характеризующиеся слитно-стью, нечленимостью значения и цельностью воспроиз-ведения в речи: 1. Фразеология. 2. Фразема. 3. Лексема. 4. Метафора.
67. *Красные чернила* – есть пример: 1. Этимона. 2. Катахрезы. 2. Антонима 4. Синонима.
68. Составными частями грамматики являются: 1. Фонетика и морфемика. 2. Морфология и синтаксис. 3. Лексикология и стилистика. 4. Синтаксис и пунктуация.
69. Совокупность грамматических форм слова или клас-са слов: 1. Часть речи. 2. Словоформа. 3. Парадигма. 4. Категория.
70. Тип выражения грамматического значения *на маши-не*: 1. Синтетический. 2. Аналитический. 3. Аффиксация. 4. Смешанный.
71. Тип подчинительной связи, при которой зависимый компо-нент присоединяется к глав-ному слову без каких-либо из-менений своей формы: 1. Согласование. 2. Управление. 3. Примыкание.
72. Пример атрибутивных отношений между компонентами в словосочетании: 1. Помогать другу. 2. Желание учиться. 3. Поехать учиться. 4. Прийти поздно.
73. Коммуникативность, предикативность и модальность – это главные признаки: 1. Пред-ложения. 2. Словосочетания. 3. Слова. 4. Морфа.
74. Письмо, фиксирующее графическими знаками сообщение дословно и передающее, кроме словесного состава, также порядок слов: 1. Пиктограммы. 2. Идеографическое письмо. 3. Предметная символика. 4. Петроглифы.
75. Место, где зародилось иероглифическое письмо: 1. Др. Китай. 2. Др. Египет. 3. Др. Индия. 4. Др. Япония.
76. Слоговое письмо по-другому называется: 1. Рисуночным. 2. Силлабическим. 3. Иератическим. 4. Логограммой.
77. Славянский алфавит возник в вв.: 1. IX-X. 2. XI-XII. 3. XII-XIII. 4. XIII-XIV.
78. Раздел науки о письме, изучающий начертания букв и со-отношения между буквами и звуками: 1. Орфография. 2. Лексикография. 3. Графика. 4. Алфавит.
79. Написание слов *вода-водяной, города-город* определя-ет следующий принцип орфографии: 1. Фонетический. 2. Традиционный. 3. Исторический. 4. Морфологический.
80. Особая система письма, применяемая для точного обозна-чения звукового состава речи: 1. Орфография. 2. Орфоэпия. 3. Транскрипция. 4. Фонетика.
81. Совокупность букв какого-либо фонемографического пись-ма, расположенных в исто-рически установленном порядке: 1. Графика. 2. Алфавит. 3. Орфография. 4. Силлабема.
82. Передача слов одного языка графическими знаками друго-го языка: 1. Транскрипция. 2. Орфография 3. Фонематика. 4. Транслитерация.
83. Самой крупной по числу говорящих является языковая се-мья: 1. Китайско-тибетская. 2. Индоевропейская. 2. Нигеро-кордафанская. 4. Семито-хамитская.
84. Арабский, амхарский, иврит относятся к языковой семье:

1. Австронезийской. 2. Дравидской. 3. Семито-хамитской.
4. Алтайской.

В индоевропейскую языковую семью не входит язык:

1. Марийский. 2. Хинди. 3. Русский. 4. Французский.
86. Болгарский язык относится к следующей подгруппе славянской группы языков: 1. Восточнославянской. 2. Западнославянской.
3. Южнославянской. 4. Севернославянской.
87. Какой язык относится к указанной подгруппе «Индоевропейская семья, германская группа, западногерманская подгруппа»:
1. Датский. 2. Норвежский. 3. Английский. 4. Финский.
88. Какой из морфологических типов языков характеризуется следующими свойствами: аффиксация без изменения основы; единый тип склонения и спряжения; грамматическая однозначность аффиксов-прилеп? 1. Флективный.
2. Инкорпорирующий. 3. Изолирующий. 4. Агглютинативный.
89. К агглютинирующим языкам относится: 1. Русский.
2. Испанский. 3. Китайский. 4. Турецкий.
90. *Ча во бу хэ* (кит. «чай я не пить») – такой морфологический тип языков называют: 1. Синтетическим. 2. Аналитическим.
3. Изолирующим. 4. Инкорпорирующим.
91. Санскрит является: 1. Мертвым языком индоарийской группы. 2. Мертвым языком иранской группы. 3. Живым языком индоарийской группы. 4. Живым языком германской группы.
92. Кому принадлежат общеизвестные слова: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»? 1. Ф. Боппу. 2. В. Матезиусу.
3. И.А. Бодуэн де Куртенэ. 4. Ф. де Соссюру.
93. Выберите верный ответ. Мировые языки – это: 1. Английский, арабский, испанский, китайский, французский, японский. 2. Английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский. 3. Английский, арабский, испанский, китайский, немецкий, японский. 4. Английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский, японский.
94. Какой ответ самый точный? Основными лингвистическими дисциплинами являются: 1. Фонетика, фонология, лексикология, семасиология, морфология, синтаксис. 2. Фонетика, фонология, лексикология, морфология, пунктуация.
3. Фонология, лексикология, семасиология, фразеология, морфология, синтаксис. 4. Фонология, фразеология, морфология, синтаксис, орфография, пунктуация.
95. Скоростное письмо, основанное на применении специальных систем знаков и сокращений слов: 1. Транскрипция.
2. Транслитерация. 3. Стенография. 4. Орфография.
96. Метод, основанный на изучении окружения, контекста употребления отдельных языковых единиц в тексте: 1. Когнитивный.
2. Генеративный. 3. Дистрибутивный. 4. Статистический.
97. Сущность метода компонентного анализа заключается в:
1. Выделении минимального набора признаков у определенной совокупности языковых единиц и категорий языка, с помощью которых они различаются, другие, напротив, объединяются в группировки. 2. Выяснении совокупности всех окружений, в которых они встречаются, то есть сумму всех позиций или употреблений элементов относительно употребления других элементов. 3. Обработке данных полевых наблюдений с помощью разновидностей корреляционного анализа.

98. Международный язык, который был создан варшавским врачом-полиглотом: 1. Волапюк. 2. Бейсик Инглиш. 3. Идо.
4. Эсперанто.
99. Проблемы использования неязыковых средств в рече-вой коммуникации изучает: 1. Когнитивная лингвистика.
2. Паралингвистика. 3. Стилистика. 4. Логика.
100. Языки «вне классификации»: 1. Китайский и вьетнамский.
2. Арабский и иврит. 3. Эстонский и удмуртский. 4. Японский и баскский.

Вопросы к зачету

1. Понятие дискурса. Дискурс и предложение. Дискурс и текст.
2. Различные подходы к изучению дискурса.
3. Коммуникация как действие. Модель Органона К.Бюлера.
4. Коммуникация как действие. Теория речевых актов. Иллокуции в дискурсе.
5. Условия успешности коммуникации. Максимумы Грайса: Принцип Кооперации.
6. Теория релевантности Шпербера и Уилсона.
7. Лингвистическая теория вежливости.
8. Дискурс в коммуникации. Прагматический подход к изучению дискурса.
9. Коммуникативная ситуация. Участники коммуникации. Хронотоп.
10. Социо-семиотический подход. Модус, тенор и регистр дискурса.
11. Основные положения функциональной грамматики.
12. Критерии текстуальности.
13. Типы дискурса. Многообразие функций и форм.
14. Письменная речь и устное взаимодействие.
15. Жанр и дискурс. Критерии выделения жанров.
16. Электронный дискурс.
17. Информативный дискурс.
18. Нарратив.
19. Аргументативный дискурс. Аргументативная структура дискурса. Качество аргументов.
20. Структура дискурса. Пропозиции. Тема и рема в дискурсе.
21. Структура дискурса. Макроструктура. Суперструктуры.
22. Связность дискурса. Когезия. Субституция. Эллипсис. Референция.
23. Лексическая когезия. Анафора. Катафора.
24. Когеренция.
25. Контекстуальные явления. Дейксис и его виды.
26. Типы выдвижения. Перспективизация. Фокализация. Эмпатия.
27. Данное- новое в дискурсе.
28. Пресуппозиции в дискурсе.
29. Инференции в дискурсе.
30. Дискурсивные маркеры. Типы дискурсивных маркеров. Функции дискурсивных маркеров.
31. Стилль и стилистический анализ дискурса.
32. Конверсационный анализ. Транскрипция. Смена ходов в дискурсе.
33. Анализ производства и восприятия дискурса.
34. Моделирование восприятия дискурса. Аспекты восприятия.
35. Дискурс и институты. Политический дискурс. Юридический дискурс. Дискурс массовой коммуникации. Рекламный дискурс. Педагогический дискурс. Медицинский (терапевтический) дискурс.